

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ОТЕЛЬ С ТЕМНЫМИ ОКНАМИ

Полковник Гуров

Николай Леонов

**Отель с темными
окнами (сборник)**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Отель с темными окнами (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2018 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-098455-8

На станции метро убит сын крупного чиновника. Убит цинично, старым воровским способом – шилом в спину. Полковник МВД Лев Гуров подозревает подругу убитого, Ларису, которая вытягивала деньги у доверчивого мажора и тратила их на любовника, законченного наркомана. Возможно, он и есть убийца? Но эта версия рассыпается после того, как на той же станции метро тем же способом убивают другого мужчину... Опыт подсказывает Гурову, что надо тщательно обследовать район, в котором совершаются преступления. Вскоре его внимание привлекает неприметная и очень подозрительная частная гостиница...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098455-8

© Леонов Н. И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Девушка из элитного борделя	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Николай Леонов, Алексей Макеев

Отель с темными окнами (сборник)

© Макеев А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Девушка из элитного борделя

Глава 1

Пожалуй, никто так трепетно не относится к своим домашним питомцам, как собачники. Все остальные – кошатники, птичники, аквариумисты, любители грызунов и им подобные – с данным утверждением наверняка бы поспорили, но в девяти случаях из десяти спор бы этот проиграли. Считается, что всех остальных заводчиков живности собачники считают лентяями. А почему нет? Ни кошек, ни птичек, ни грызунов выгуливать не нужно, а этот аргумент потяжелее свинца. К тому же едят они меньше, меньше и места занимают. Они не требуют дрессировки, легко переживают одиночество, да и ответственность за их поступки хозяева несут лишь перед собой. Ну еще перед соседями.

Совсем другое дело у собачников. Завел питомца – будь добр, обеспечь ему достойное существование. Накорми, напои, шерсть расчеши да про подшерсток не забудь. Если выгуливать, так дважды в день, с намордником и на поводке. Заболел – срочно к ветеринару, а там осмотры, прививки, уколы и витамины. Без этого никуда – член семьи. И так изо дня в день, год за годом. Придерживаться такого строгого режима могут далеко не все, на это требуются и терпение, и выдержка, и отношение к жизни серьезное. Всеми этими качествами и обладают собачники. По большей части...

Ясное дело, встречаются и среди них чудаки. Почему чудаки? А кто еще своего пса в детские памперсы наряжать станет, чтобы он экскрементами двор не удобрял? Или юбочку на филейную часть напяливать, дабы окружающие не перепутали: у нас, мол, девочка, создание нежное. А еще любят некоторые в кукольную колясочку собачку посадить и ребятишкам отдать. Пусть, мол, дитё играет. Не коляска, так цирюльник начудит. Выстрижет по бокам звезды шестиконечные, краской угольной выкрасит, а хозяин радуется. Особо активные на единственной собаке не остановятся, им аудитория пошире нужна. Заведут штук пять, разных пород и возраста, и умиляются – ну точно как в многодетной семье!

И ведь ничего с этим не поделаешь. Кто запретит чудакам питомцев заводить? Ведь и они имеют право на свой кусочек счастья и бескорыстной любви. Так и живут: настоящей семьи не создали, вот собачьей и утешаются. И все бы ничего, если бы, как и в любой классической семье, искусственную собачью семью несчастья стороной обходили. Но ведь так не бывает, чтобы одним только радости, а другим – горе. Нападет на такую семью беда-кручина, тогда уж тараканы из головы чудака по-серьезному полезут. И начнет он округу потешать глупыми, необъяснимыми нормальному человеку выходками.

Вот такой вот чудак пасмурным весенним утром появился на границе между городскими строениями и парковой зоной Лосиногостовского Острова. Первые солнечные лучи вяло пробивались сквозь густые кучевые облака, еще с ночи затянувшие небо, но так и не решившиеся разразиться дождем. Чудак – долговязый мужчина средних лет, подражая солнечным лучам, застыл в трех шагах от первых деревьев и переминался с ноги на ногу, точно не решаясь ни вперед двинуться, ни назад повернуть. Его нерешительность никак не сказалась на предусмотрительности: непромокаемый плащ от вероятного дождя он надеть не забыл, как и сменить легкие сандалеты на литые черные калоши.

Худая костлявая рука, торчащая, точно коряга из болота, из чересчур широкого рукава, едва удерживала на поводке собачью свору. Глаза чудака влажно блеснули, свободной рукой он то и дело утирал набегающие на ресницы слезы. Свора, как и хозяин, имела вид весьма нестандартный. Рядом с лохматой помесью московской сторожевой и дворового пса Шарика соседствовал низкорослый пес породы бигль с торчащим кверху хвостом и висящими ушами.

Биглю в хвост упирался молодой поджарый доберман, под ногами которого путался умили-тельного вида самец породы чихуа-хуа.

В этой странной связке доберман находился ближе всех к чудаковатому хозяину. Он пытался занять главенствующее положение, нетерпеливо толкая бигля и постукивая лапой по ботинкам хозяина, но поводок, накрученный на руку чудака, возвращал его на место. Свободнее всех из своры чувствовал себя чихуа-хуа. Поводок позволил бы ему убежать метров на пять вперед, но осторожный пес предпочитал оставаться под защитой добермана и здоровяка сторожевого.

У границы зеленых насаждений долговязый чудака стоял уже битый час. Солнце еще и не думало подниматься над горизонтом, когда он вышел из дома со своей разношерстной компанией и потащил ее к парковой зоне. Чего он ожидал? Умей собаки говорить – наверняка бы задали этот вопрос хозяину. Но разговорной речью братья меньшие не владели, а собачьего не понимал чудака. Неизвестно, сколько еще продлилось бы молчаливое стояние, если бы не случай. В паре метров от того места, где застыл мужчина, проходила автомобильная дорога, и из-под колес проходящего грузовика вдруг вылетел увесистый кусок щебня. Непонятно каким образом, но этот самый кусок описал крутую дугу и опустился на мощный зад сторожевой.

Для такой крупной собаки, как московская сторожевая, подобный удар – что слону дробина. Он и дернулся-то скорее от неожиданности, чем от боли. Но вот чихуа-хуа, в самый неподходящий момент высунув нос из укрытия и подсунув его прямоком под заднюю лапу сторожевой, получил удар такой силы, что его отбросило в сторону, точно теннисный мяч. Взвизгнув, пес пару секунд тряс своими тоненькими лапками, а потом подскочил и рванул вперед. На то, чтобы все пять метров поводка натянулись до предела, хватило четверти минуты. Натянувшись, он врезался в причинное место сторожевой, тот недовольно заворчал и понесся догонять своего мизерного друга. После этого сработала цепная реакция: за сторожевой поскакал доберман, за ним бигль, и все вместе они утянули за собой чудака-хозяина.

Метров пятьдесят вся свора, включая хозяина, бежала молча. Затем чихуа-хуа, врезавшись в шершавый пенек, снова подал голос. Он оглянулся на хозяина и громко залаял, жалуясь тому на боль. Лай подхватил доберман, всегда готовый пошуметь и побегать. Бигль с минуту молча оценивал ситуацию, но в конце концов собачья солидарность взяла верх. Запрыгнув на тот самый пенек, который остановил процессию, он задрал голову и завыл. Чудака-хозяин, запутавшись в поводках, не устоял на ногах и рухнул на землю, в нескольких сантиметрах от пенка. Непромокаемый плащ распахнулся, и оттуда вывалилась плоская коробка из-под конфет. Хозяин ахнул и выбросил правую руку вперед в надежде поймать коробку, но сделал только хуже. Крышка с коробки слетела, ее содержимое вывалилось на землю, едва прикрытую молодой травой, и он в отчаянии выкрикнул:

– Я так и знал, так и знал! Будто мало того, что лишились мы лучшей частички нашей дружной компании, так еще и это! Из любовно приготовленного погребального одеяния, да на грязную жесткую землю! Ох, беда ты беда. Верно люди говорят, одна ты не ходишь. И за что же всем нам такое испытание?

Доберман положил свои лапы хозяину на плечи и громко и заливисто залаял. Ситуация его явно забавляла. Бигль и чихуа крутились возле ног хозяина, то подвывая, то повизгивая. В акте всеобщей истерии не принимал участия лишь сторожевой пес по кличке Леопольд. Он уселся на траву возле опустевшей коробки и терпеливо ждал, когда можно будет идти домой. А хозяин-чудака уходить не спешил. Немного успокоившись, уперся ладонями в колени и устоялся в одну точку перед собой. При этом взгляд его вовсе не был отрешенным, напротив, он обрел осмысленность.

– Ты молодец, Леопольд, – похвалил сторожевую хозяин. – Не отчаялся, не запаниковал. Так и должно быть, так и должно. Ведь, в сущности, для того мы сюда и шли, верно? Оглянись

вокруг, Леопольд. Видишь, как здесь красиво. Быть может, все это произошло для того, чтобы мы нашли его? Это место. Что скажешь?

Леопольд потряхнул головой и облизнулся.

– Вот и я говорю, пора заняться делом. Лопатку-то я не выронил, а это главное. Сейчас с местом определимся, могилку выкопаем и будем прощаться. Ты уж только держись, Леопольд. Я понимаю, тебе с ним прощаться тяжелее всего будет, ну, да куда от этого денешься? Любил ты его, поди? Любил, я знаю. Ну, хочешь, я вам еще немного времени дам, чтобы ты его в последний путь проводил? Хочешь?

Леопольд покосился на хозяина, широко зевнул и, положив голову на передние лапы, прикрыл глаза.

– Значит, не хочешь прощаться? Что ж, понимаю. Должно быть, это тяжело, провожать в последний путь друга, с которым ты с самого рождения. – Глаза чудака вновь увлажнились. – Это ничего, что сил у тебя на прощание нет. Я за тебя попрощаюсь. И могилку в самом красивом месте выкопаю, и речь надгробную скажу. Не сомневайся, я-то знаю, как похороны устраивать.

С этими словами чудака вытянул вперед руку и... подняв с земли пушистый хвост московской сторожевой, любовно уложил его в коробку. Затем оглядел деревья возле пенька, отстегнул от брючного ремня небольшой садовый совок, отступил в сторону и принялся копать. Острый клинок легко входил в землю, сухая земля, давно не встречавшаяся с дождем, сыпалась с металлического полотна, закрывая короткие ростки сорной травы.

– Наверное, глубоко копать не будем, как думаешь, Леопольд? Лишь настолько, чтобы хулиганы не отрыли. Нехорошо это, когда останки, преданные земле, наружу вытаскивают, верно, Леопольд?

Пес повел ухом, но глаз не открыл. Чудака сочувственно покачал головой и продолжил копать.

– До сих пор не пойму, как это тебя угораздило под заслонку подлезть? Ведь сколько раз мы это обсуждали. Тебе вообще в гараже делать было нечего, но ты настаивал, и я пустил. Что из этого вышло, сам знаешь. Нам еще повезло, что под удар попал хвост. А если бы лапа, что тогда? Хромал бы всю жизнь? Ох, Леопольд, Леопольд, слушаться хозяина надо.

Выкопав яму глубиной с полметра, он поднялся с колен, отошел в сторону, оглядел результат своего труда и, недовольно поморщившись, вернулся к яме.

– Нет, Леопольд, для твоего друга мы изготовим могилку поглубже. Углубим, да и вширь увеличить не помешает. Коробка должна войти целиком, как считаешь, Леопольд?

Задав вопрос, мужчина оглянулся на сторожевую. И вдруг увидел, как бигль, до этого беспокойно бегавший вокруг коробки с хвостом, кинулся вперед, ухватил хвост зубами и помчался что есть мочи в глубь парка. От такой наглости чудака дар речи потерял. Раскрыв рот, он провожал бигля ошеломленным взглядом. Затем подскочил с колен и заорал:

– Леопольд! Тревога!

Слово это сторожевой оказалось знакомо. Последний звук стихнуть не успел, а Леопольд уже мчался напролом через кусты и подлесок. За ним, не желая оставаться вне общей игры, бросился доберман. И только чихуа испуганно прижался к шершавому пню, жалобно пискнул и напустил лужу.

– Борг, прекращай это! – прикрикнул на него чудака. – Идем, мы должны найти Гошу и отобрать у него друга Леопольда.

Борг поплелся за хозяином, который двинулся на лай добермана, доносившийся из зарослей чубушника. Идти оказалось недалеко, видимо, в планы бигля Гоши побег не входил, и он успел пробежать не более пятидесяти метров. Дойдя до кустарника, чудака увидел странную картину: Леопольд застыл в паре метров от кустарника в боевой стойке. Шерсть его встала дыбом, пасть ощерилась, а из глотки исходило угрожающее рычание. Здесь же, чуть в стороне,

пристроился бигль, вид у него был такой же агрессивный, как у Леопольда. Доберман же то уносился в глубь кустарника, то возвращался назад и при этом неистово лаял.

– Что происходит, Леопольд? – настороженно спросил чужак. – И что это с Даксом? Дакс, ко мне! Прекрати гоняться, ты пугаешь Гошу!

Услышав свою кличку, доберман выскочил из кустов и бросился к нему. Подскакивая на месте чуть не на метр, он принялся кружиться, зазывая хозяина в кусты. Потом подбежал к нему вплотную, забросил передние лапы на плечи и начал яростно облизывать щеки и нос.

– Ладно, Дакс, твоя взяла. Пойдем, покажешь, что вас так возбудило, – проговорил чужак, с трудом утихомирив добермана.

Пес словно только этого и ждал: проскользнул в узкий прогал между кустами и застыл в ожидании хозяина. Тот, опасливо глядя под ноги, протиснулся следом. Взгляд его уперся в потертый клетчатый чемодан, лежавший на траве лицевой стороной вверх, точно раскрытая книга. Металлическая «молния» золотистого цвета тускло блестела, крупная красно-синяя клетка на фоне травы выглядела неуместно, даже как-то дико. Из боковой стенки торчала массивная ручка с пластиковой отделкой, а под ней аккуратные колесики в три ряда.

– Ну и зачем вы меня сюда притащили? – с явным облегчением вздохнул мужчина. Он ожидал увидеть в кустах нечто ужасное, а получил всего лишь старый, никому не нужный чемодан. – Забот мне больше нет, как только хлам по парку собирать! Лучше бы показали, куда Гоша усопшего унес.

Он развернулся, чтобы уйти, но доберман перепрыгнул через чемодан и вцепился в его штанину, удерживая на месте.

– В чем дело, Дакс? – Поведение добермана начинало раздражать обычно терпеливого хозяина, но, взглянув в беспокойные глаза пса, он сдержался. – Ладно, ладно, хочешь, чтобы я забрал этот чертов чемодан с собой? Я это сделаю. Устрою тебе из него отдельную конуру. А что, идея неплохая. Может, полностью конура из него и не получится, но вот крыша будет замечательная. И не промокнет, верно, Дакс? Давай-ка сложим его так, чтобы было удобно нести.

Доберман понял, что добился своего, и выпустил штанину. Чужак сделал три шага вперед, ухватился за ручку и потянул чемодан на себя. Клетчатая ткань поползла вниз, обнажая то, что лежало под ней. Сначала показалась копна русых, с заметной рыжиной, волос. Затем прикрытые этими волосами голые плечи, изящные женские руки... и только тогда до чужака дошло, что смотрит он на обнаженный труп молодой девушки. Осознав, что произошло, мужчина выпустил из рук ручку чемодана и отпрянул назад.

– Дакс! Что вы натворили! – только и смог выдать он.

Доберман снова подскочил к хозяину и ткнулся носом в мигом вспотевшую ладонь, выпрашивая награду, но тот и не подумал искать по карманам лакомство, вместо этого достал сотовый телефон и набрал номер Службы спасения.

На Петровку сообщение о трупе, найденном в парке Лосиный Остров, поступило с задержкой в два рабочих дня. Изначально, как и требовали общие правила, дело поступило в районный отдел полиции, в ведомстве которого находились парковая зона и прилегающий к ней жилой массив. Оттуда и опергруппу с криминалистами выслали, и свидетеля там опрашивали. Но потом кто-то что-то сказал, кто-то где-то подсутился, и вот уже в Главк летят вездесущие журналисты, а Интернет пестрит громкими заголовками, и общественность волнуется, и вопросы неудобные задает: как так, чуть ли не в центре столицы, в месте семейного отдыха, и такое творится? Как власти могли допустить подобное?

И от журналистов уже не избавиться, будут досаждать высоким чинам, пока материал красивый не получат. А чинам оно надо? Вот они и рапортуют перед камерами: происшествие взято на особый контроль, будьте уверены, поисками преступника займутся лучшие оператив-

ники Москвы. Обещание, данное журналистам, выполняется неукоснительно. Приказ спускается сверху, передаваемый от чина к чину, пока не доходит до последней инстанции. В деле, с легкой руки журналистов известном общественности как «Дело девушки в чемодане», последним звеном в цепочке стал кабинет старшего оперуполномоченного Московского уголовного розыска, полковника Гурова Льва Ивановича. Тот, в свою очередь, попытался сплавить его сотрудникам рангом пониже, да не вышло. Его непосредственный начальник, а по совместительству давний друг, генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов не позволил. Он, видите ли, уже доложил наверх, что поручил дело не кому-нибудь, а легендарному Гурову. Не станет же он от своих слов отказываться?

Пришлось тому засучить рукава и взяться за расследование заведомо проигрышного дела. В качестве утешения генерал позволил распоряжаться личным составом отдела на усмотрение Гурова, и это в какой-то степени примирило полковника с решением генерала. Исключением стал полковник Крячко, на его задействие было наложено категорическое и бесповоротное вето. И дело здесь вовсе не в особом расположении генерала к Стасу Крячко, второму после Гурова специалисту в области поиска и поимки особо опасных преступников, а скорее, наоборот, это являлось наказанием.

Не сказать, чтобы Крячко этим фактом был расстроен, ни один здравомыслящий опер не станет переживать из-за того, что его отстранили от поисков преступника, когда запах «висяка» не просто витал в воздухе, а буквально в стены кабинета впитался, но самолюбие его все же было задето.

А причина решения генерала была вполне заурядна. На полковнике вот уже два месяца висело расследование, по которому вышестоящие инстанции просто жаждали получить результат. Всякий раз на планерке в кабинете генерала, как только речь заходила об этом расследовании, Крячко «задвигал» пламенную речь, типа «приложим усилия», «привлечем дополнительные ресурсы», «активизируем и подтянем» и так далее, и тому подобное. Слушать историю про «активизацию» надоело не только генералу, но и всему личному составу, вынужденному терпеть еженедельную экзекуцию. Но Крячко все тянул и тянул, надеясь, что рано или поздно проблема рассосется и можно будет сдать дело в архив.

Генерал же считал, что при должном усердии дело, порученное Крячко, можно завершить за три дня. Вот почему он отстранил Стаса от всех текущих дел, чтобы нечем было прикрыться, и заявил: либо в трехдневный срок получаешь результаты, либо жди серьезных санкций. И шпильку подпустил, что товарища, мол, подводит, Гуров теперь вынужден помощью «желторотиков» довольствоваться, вместо того чтобы с матерым опером безнадежное дело раскрывать. Крячко замечание не понравилось, уж очень он не любил, когда его совестили за счет друзей. На это генерал и рассчитывал: посидит Крячко, подует, а потом включит «думалку» и принесет готовый результат генералу на блюде.

Новым заданием Гурова «осчастливили» после полудня, сообщив, что исходные данные тот может получить в районном отделе у капитана Трушина. Льву пару раз приходилось пересекается с Трушиным по работе, поэтому он имел представление, чего от него ожидать: неплохой опер, парень башковитый, не лишенный сыскной чуйки, но с ленцой, как только появлялась возможность увильнуть от работы, он эту возможность не упускал. Тем не менее встречи с ним было не избежать, поэтому первым делом Гуров отправился в районный отдел, чтобы успеть застать капитана на месте.

Трушин встретил полковника радостной улыбкой. Еще бы ему не улыбаться, от стольких проблем разом избавляется! Пожав протянутую руку, он выложил на стол папку и, хлопнув по ней ладонью для пущей убедительности, заявил:

– Здесь все. Полистайте, ознакомьтесь. Возникнут вопросы, готов ответить.

Гуров взял папку в руки, раскрыл. Внутри лежали три листа, исписанные мелким убогим почерком.

– У вас в отделе электричество экономят или к компьютеру особый допуск? – пошутил Лев.

– Да не в том дело, – замялся Трушин. – На компьютере набирать – в кабинете сидеть нужно, а от руки на месте составил, и готово дело. Все равно ведь «висяк».

– Так вот с ходу, за два дня, и определили?

– Двух часов хватило, – махнул рукой Трушин. – Вы почитайте отчет, товарищ полковник. Уверен, ваше мнение совпадет с моим.

Гуров пробежал глазами текст, исходные данные действительно оптимизма не внушали. Труп девушки был обнаружен около семи часов утра. К тому времени она была мертва от шести до двенадцати часов, то есть смерть наступила не ранее семи часов предыдущего вечера и не позднее часа ночи. Следы борьбы на теле отсутствовали, как и следы грязи. Одежды, как и украшений, на теле не было. И никаких, абсолютно никаких особых примет. Ни татуировок, ни родинок причудливой формы, ни шрамов. Чемодан, которым прикрыли тело, оказался классическим представителем дорожной галантереи. Такие огромными партиями изготавливает добрая сотня текстильных предприятий, и в продаже они имеются чуть ли не в каждом магазине, торгующем подобным товаром.

В папке имелся отчет о проделанной работе. Стандартная процедура идентификации по отпечаткам пальцев результата не дала. Убитая в базе не числилась, значит, к уголовному миру не принадлежала и воинской повинности не отбывала. Причиной смерти стал перелом шейных позвонков. Кто-то свернул ей шею одним выверенным движением. На это стоило обратить внимание, так как не каждый гражданин способен на такое. По мнению экспертов, девушку убили не в парке, а доставили на место уже мертвую. В том самом чемодане, которым после прикрыли тело.

Третий лист содержал сведения, собранные во время опроса жителей близлежащих домов. И он выглядел удручающе голым. Кто-то видел подозрительную машину, кто-то подозрительных парней, кто-то мотоциклиста со злобным лицом, но ни один не видел девушки или же незнакомцев с огромным клетчатым чемоданом. И все это на грани домыслов. Гуров понимал, что большего от опроса ждать было глупо. От дороги жилой массив отделяет приличное расстояние, а надеяться на то, что среди местных жителей найдется человек, денно и нощно просиживающий у окна, вооружившись полевым биноклем, – это уже из области фантастики.

– Списки пропавших без вести проверили? – закрывая папку, спросил он.

– Не успели, – безмятежно ответил Трушин. – Да и рано еще. Два дня ведь всего прошло, а патологоанатом заявил, что, скорее всего, погибшая жила одна.

– Это как же он определил? – искренне удивился Лев.

– Точно не знаю. Вроде как слишком уж дама ухоженная. Вы лучше у него спросите, – посоветовал Трушин.

– Непременно, – пообещал Гуров. – Кто опрос жильцов проводил?

– Ребята из нашего отдела. Стажеры, – ничуть не смутившись, пояснил Трушин и добавил, решив все-таки оправдаться за личное бездействие: – В отделе работы непроворот. На мне еще пять дел, а парни почти не загружены.

– И вы решили это исправить, отправив неоперившихся «желторотиков» опрашивать потенциальных свидетелей, – не сдержался Гуров. – Хорошая работа, ничего не скажешь.

– Не нужно осуждать, – насупился Трушин. – У меня два разбоя на руках, поножовщина в баре, и это – не считая бытовухи. Когда еще и по дворам ходить?

– Главного свидетеля хоть сами опрашивали?

– Сам, – повеселел Трушин – Ну и кадр, этот самый свидетель, товарищ полковник. Чудик, каких поискать. Уши мне так замусорил, я часа два после допроса отходил.

– Что с ним не так? – насторожился Лев.

– Да нет, он в порядке. Странный только, с «тараканами» в голове. Знаете, зачем он в парк в такую рань приперся? – В глазах Трушина заплясали озорные искорки.

– Собак выгуливать? – предположил Гуров, вспомнив, что в отчете указывалось, что свидетель является собачником.

– А вот и не угадали. Он, конечно, весь свой странный выводок с собой приволок, но не для выгула. Пес его, московская сторожевая, накануне хвост себе отчекрыжил. В гараже у чудика что-то вроде гильотины стоит, металл резать. Так его пес умудрился эту гильотину в действие привести и хвост начисто отрубить. А хозяин решил, что «лучшего друга» следует похоронить. С почестями и в красивом месте. – К концу рассказа Трушин едва сдерживал смех.

– Какого друга? – не понял Гуров.

– Да хвост же, хвост сторожевой! – радостно воскликнул Трушин. – Это он его лучшим другом величал.

– Он хотел похоронить в парке хвост? – не веря своим ушам, переспросил Лев.

– Так точно, товарищ полковник. Похоронить хвост, – подтвердил капитан, явно довольный произведенным эффектом.

– Да, дела, – только и нашелся что ответить Гуров.

– Вот я и говорю: чудик наш свидетель.

– Толк-то от него был?

– Никакого, – вздохнул Трушин, переходя на серьезный лад. – У лесополосы он никого не видел, в самом лесу других людей не встретил. И собаки его, кроме как девушку под чемоданом, больше никого не нашли. Впрочем, думаю, и не искали. Собачник, Валентин Худышкин, так перепугался, что до самого приезда опергруппы возле трупа не шелохнувшись просидел. И собаки его вместе с ним.

– Адрес собачника в папке зафиксирован?

– Так точно. Он неподалеку от места происхождения живет.

– Ладно, капитан, благодарю за службу. Появятся вопросы – позвоню. – Гуров пожал Трушину руку и вышел из кабинета. Поворачиваясь к выходу, он успел заметить, как тот облегченно выдохнул и плюхнулся в кресло. Облегчение капитана было понятно: от таких дел редко избавляются без последствий, а ему, можно сказать, повезло. Чего нельзя было сказать про самого полковника.

Глава 2

Как и ожидал Гуров, общение с капитаном Трушиным принесло мало результатов, разве что дало общее представление о том, насколько безнадежное дело ему поручено, но об этом он и раньше догадывался. Других дел генерал Орлов ему не поручал. Отчет судмедэксперта в папке Трушина выглядел сухим и деловито-сжатым. Сплошные специфические термины и голые факты. Гурову же нужны были мысли и впечатления. И еще ему важно было самому взглянуть на труп. Откуда пришло такое желание, Лев объяснить не мог. Не то чтобы он надеялся разглядеть на теле что-то такое, чего не смогли увидеть другие, просто знал, что должен увидеть тело собственными глазами. Не на фото, а в реальном виде. И раз уж такое желание возникло, Гуров прямиком отправился в Царицынский морг, куда доставили тело.

Патологоанатома Сергея Юркова он застал в комнате отдыха. Тот сидел, уткнувшись носом в очередную статью излюбленного ежемесячника «Судебная медицина», и прихлебывал пахучий чай из огромной керамической кружки. Услышав шаги, подскочил с продавленного дивана и вместо официального рукопожатия сгреб друга в объятия. Гуров считался мужчиной высокого роста, но до Юркова ему было далеко. Патологоанатом был на голову выше и на добрых пятнадцать сантиметров шире в плечах. Гуров буквально утонул в медвежьих объятиях друга, которые, к его радости, длились недолго.

– Лев Иванович, дружище, какими судьбами? – отпустив полковника, пробасил Сергей. – Неужто соскучился?

– И это тоже, – улыбнулся в ответ Лев.

– Но не без деловой подоплеки, – хитро прищурился Юрков. – Знаю я вас, «важняков», ни дня без геморроя.

– Ты даже не представляешь, насколько прав, – засмеялся Гуров. – Геморрой еще тот.

– Не по душу ли неопознанной покойницы? Той, что из парка?

– И снова угадал, Серега. По ее душу, – подтвердил Гуров. – Вернее, по ее тело.

– Что, даже чаю не попьешь? – попытался пошутить Юрков. – Как-никак к другу приехал. Перерыв на чай вполне уместен.

– Давай свой чай. – Гуров повел носом, втягивая аромат свежесваренного напитка: – Пахнет одуряюще!

– Вот и славно. Садись, Лева, почаевничаем. – Сергей засуетился, доставая вторую чашку и наполняя ее напитком из термоса. – А пока наслаждаемся дарами солнечного Цейлона, я тебе про твою незнакомку расскажу. Совместим, так сказать, приятное с полезным.

– Я только «за». Рассказывать есть о чем?

– Пожалуй. – Юрков сделал глубокий вдох, лоб его прорезала глубокая морщина. – Я тебе так скажу: странное это тело, весьма странное. Как раз по тебе.

– Вот как? – Гуров слегка удивился. – И в чем же его странность?

– Ты чай пей, а то остынет, а говорить буду я. – Сергей поставил перед полковником чашку, придвинул блюдо с пирогами. – Угощайся, это мне санитарки презентовали, – а сам принялся выкладывать все, что узнал об интересующей Гурова покойной.

Тот факт, что девушка умерла насильственной смертью, он считал невероятным. Его ощущения проистекали из долгого жизненного и профессионального опыта. Такие девушки, как попавшая в его «секционную» незнакомка, просто не должны умирать подобным образом. Юрков не смог отнести ее ни к одной группе риска. Девушка не была наркоманкой, следов каких бы то ни было наркотических веществ в организме неизвестной обнаружить не удалось. Не была она и алкоголичкой. Печень неизвестной тянула на Нобелевскую премию. В ее возрасте, который Юрков определил как двадцать пять – двадцать девять лет, печень выглядит иначе даже у тех, кто следит за своим здоровьем. Здесь же просто не к чему было придраться:

младенческая печень, да и только. Остальные внутренние органы не уступали печени. Почки в норме, желудок без единого намека на гастрит или язву, поджелудочная при жизни работала как часы. Правда, сердце слегка подвело, тонус мышц указывал на серьезные нагрузки, но и его состояние не было критичным.

А вот мозг свидетельствовал о том, что девушка систематически испытывала сильный стресс и наверняка страдала частыми головными болями. До инсульта или аневризмы ей было далеко, но гипоталамус, отвечающий за работу эндокринной системы, вырабатывающей достаточное количество гормонов, необходимых для преодоления стрессовых ситуаций, выглядел весьма печально. Из чего Юрков сделал вывод, что при жизни девушка занималась умственным трудом, доводящим ее мозг до изнеможения.

Во всем остальном патологии он не обнаружил. В целом можно было сказать, что неизвестная хорошо питалась, и это лишний раз подтверждало, что к таким группам риска, как бродяжки и люди, попавшие в трудную жизненную ситуацию, она не относилась. Занималась спортом, скорее всего, бегом. И бегала на свежем воздухе, а не в душной тренажерке. Цвет лица свежий и тоже ухоженный, ногти и волосы в идеальном состоянии. Одним словом, не девушка, а актриса из рекламного ролика.

Особо Юрков отметил, что девушка не рожала, следовательно, детей у нее быть не могло, по крайней мере, своих. Жила она, видимо, одна, так следить за собой и при этом работать на износ могла только совершенно свободная от семейных обязательств женщина.

– Вот то, что я думаю о твоей подопечной. Одинокий трудоголик, у которого друзья-то вряд ли найдутся, – подытожил Юрков свой рассказ.

– Тем не менее кому-то она настолько помешала, что он не поленился заманить ее в укромное место и свернуть шею, – заметил Гуров. – А после этого не поленился отвезти в лесопарковую зону. Зачем так утруждаться, если девушка жила одна? Я понимаю, если бы у нее была куча родственников, которые через час поднимут тревогу, если она не ответит на телефонный звонок. Чем дольше ее будут искать, тем более вероятно, что преступник успеет скрыться. Но ведь куда проще было бы оставить ее дома.

– Почему проще? – переспросил Юрков. – Насколько я знаю, в ту часть парка, где ее нашли, люди редко забредают. Она могла пролежать там и месяц, если бы не случайность. Оставь они ее в квартире, запах пошел бы куда раньше, и соседи поневоле зашевелились бы. По мне, так все логично.

– Ты забываешь о работодателях, – напомнил Лев. – Убили девушку в пятницу, конец рабочей недели. Два дня на работе ее не хватились бы. В понедельник, скорее всего, ограничились бы телефонными звонками, а вот во вторник отправили кого-то из сотрудников к ней на квартиру. Четыре дня форы, неплохо для начала. В парке же всегда есть риск, что на труп наткнется кто-то из гуляющих. Те же собачники, их преступник не должен был сбрасывать со счетов.

– Возможно, ты и прав, – согласился Юрков. – Так почему ее отвезли в парк, как считаешь?

– Не просто отвезли, а упаковали в чемодан, заранее избавившись от всех предметов, способных привести к идентификации трупа, – снова напомнил Гуров. – И это наводит на определенные мысли.

– Тот, кто ее убил, не хотел, чтобы тело опознали, – догадался Юрков.

– Вот именно. Им было важно, чтобы тело не опознали, – произнес Лев, выделив слово «важно». – Почему это было важно?

– Ну, ты опер, ты и угадывай, – пожал плечами Юрков. – Мое дело – тела читать.

– Идеально здоровая девушка, наверняка не из бедных, раз могла себе позволить хорошо питаться и следить за состоянием кожи и ногтей, верно?

– Деньжата у нее водились, это факт, – подтвердил патологоанатом. – Видел бы ты ее маникюр, баксов сорок стоит, не меньше.

– Да ладно! Это сколько ж на наши «деревянные»?

– Не по твоим деньгам, – невесело усмехнулся Юрков. – Твоя Мария наверняка в подобные салоны не заглядывает.

– А ты-то откуда столько про маникюр знаешь?

– Работа обязывает. Салон, где она маникюр делала, я тебе, конечно, не назову, но то, что влетел он ей в круглую копеечку, гарантирую.

– Пойдем-ка, Серега, посмотрим на твою страдалицу, а заодно и маникюр ее оценим, – поднимаясь, предложил Гуров.

– Пойдем, отчего не посмотреть, – пожал плечами Юрков и, первым выйдя из комнаты отдыха, направился к двери с надписью «Холодильная камера». Открыв дверь, он пропустил Гурова внутрь, подвел к стеллажу с тремя рядами прямоугольных дверей, размером семьдесят на пятьдесят. Не сверяясь с записями, открыл дверцу под номером шестнадцать и, медленно выдвинув закрепленные на полозьях носилки, приоткрыл бумажную простыню до плеч. Первое, что бросилось в глаза, – шикарная копна рыжих волос. Не искусственно рыжий, а натуральный, с красноватым оттенком и приятным блеском даже после смерти. Лицо казалось безмятежным и все еще красивым. При жизни девушка наверняка ловила на себе восхищенные взгляды мужчин и завистливые взгляды женщин.

– Дальше открывать? – спросил Юрков и, когда Лев кивнул, сбросил простыню, обнажив тело полностью. Как он и говорил, на теле не было ни синяков, ни ссадин, ни царапин. Руки покойной Юрков сложил на груди, как полагалось по христианскому обычаю, правая поверх левой. Маникюр, о котором он так долго разглагольствовал, не показался Гурову ни шикарным, ни дорогостоящим. Бледный матово-белый цвет, украшенный на безымянном пальце тонкой серебряной полоской, расположенной ближе к кутикуле. Гуров машинально бросил взгляд на ноги покойной. Как он и предполагал, педикюр также входил в обязательный комплект ухода за телом.

Достав мобильный телефон, он сделал несколько снимков, отдельно засняв маникюр и педикюр. Юрков вопросов не задавал, лишь слегка поморщился. Процедура «фотосессии» его покорила, но кто он такой, чтобы делать замечания оперу убойного отдела?

– Не кривись, Серега, – заметив эту гримасу, проговорил Лев. – Быть может, это моя единственная зацепка. Если ты говоришь, что маникюр дорогой, значит, имя девушки можно отследить по салонам. Много ли в столице подобных салонов?

– Думаю, немало, – ответил тот. – Нынче женщины на себе не экономят.

– С чего такой вывод? – в очередной раз удивился Гуров.

– С того, что позволить себе на внешности экономить могут либо слишком бедные, либо слишком богатые дамы, – назидательно произнес Юрков. – Первым ни за что на дорогой уход денег не собрать, вторым же плевать, что про них подумают окружающие. Остальные вынуждены соответствовать веяниям времени. Работодатель не станет держать в элитном заведении девушку с заросшими заусенцами ногтями. К ней клиенты не пойдут, а это прямой убыток фирме.

– Убедил, – улыбнулся Лев и добавил: – Ладно, мне пора. Спасибо за помощь.

– Не за что, – кивнул Юрков, вернул на место простынь и, задвинув носилки, закрыл холодильную камеру. – Пойдем, провожу тебя до выхода.

На крыльце обменялись рукопожатием, Юрков вернулся в морг, а Гуров пошел на парковочную площадку. Он решил отложить беседу с собачником, обнаружившим труп, до следующего утра. Ему хотелось провести беседу в официальной обстановке, а не среди кучи питомцев Худышкина. А вот отправить людей на долгий и нудный опрос жильцов микрорайона близ Лосиног парка решил сегодня. Вечернее время – самое подходящее для поквартирного

обхода. Большая часть жильцов наверняка принадлежит рабочему классу, когда же их опрашивать, если не вечером? Для этого нужно было вернуться в отдел, собрать команду и провести инструктаж. Гуров завел двигатель и поехал на Петровку.

В Управление он попал только к шести, застряв в пробке на Каширском шоссе. Личный состав убийного отдела к тому времени разбежался по домам, поэтому ему ничего не оставалось, как отложить все розыскные мероприятия до утра. Не особо надеясь на удачу, Лев заглянул в аналитический отдел, и, к вящей радости, застал там капитана Жаворонкова. Тот возился с какими-то подсчетами, щелкая пальцами по клавиатуре компьютера. Заметив полковника, он вежливо улыбнулся и спросил:

– Помощь нужна?

– Точно, Валера, еще как нужна.

– Какого рода помощь?

– Список пропавших без вести.

– Кого ищем? За какой срок? – деловито осведомился Жаворонков, сворачивая окна рабочих файлов.

– Девушка двадцати-тридцати лет, – намеренно расширяя возрастной диапазон, сообщил Гуров. – Заявления полугодичной давности, принятые как от родственников, так и от друзей и работодателей.

– Ищем москвичку?

– Пожалуй, просмотреть придется всех, но приоритет на москвичек. Сможешь сделать два списка?

– Без проблем, товарищ полковник, – уверенно проговорил Жаворонков. – Подождете или к себе пойдете?

– У себя в кабинете буду, – ответил Лев. – Список можешь с дежурным передать, как закончишь.

– Сам принесу, мне не трудно. Тут всех дел минут на двадцать, – пообещал Жаворонков.

– Спасибо, Валера, – поблагодарил Гуров и удалился.

В кабинете было пусто, Крячко на месте не оказалось. Устроившись за компьютером, он закрыл глаза и принялся размышлять.

Тело девушки доставили в общественное место уже после смерти, это подтвердил Юрков. Представить, как некто топает по парку с огромным чемоданом в семь часов вечера, когда солнце вовсю светит и машины по дороге мчатся сплошным потоком, Гуров не мог, поэтому сразу отбросил версию с ранним приездом преступника. Скорее всего, тот действовал в темноте, а это значит, что приехал он в парк после двадцати двух часов. Везти в багажнике труп, пусть и упакованный в чемодан, по городским улицам тоже довольно рискованно. Значит ли это, что девушку лишили жизни неподалеку от парка? Возможно.

Лев включил компьютер, вывел на экран карту Москвы и принялся высчитывать район возможного действия преступника. Все населенные пункты, что находились за Кольцевой дорогой, он пока исключил, и все равно список получился внушительный. Второстепенных дорог, ведущих к парку, было столько, что определить направление, откуда привезли труп, не представлялось возможным. Отодвинув в сторону мыш, Гуров взял лист бумаги. Разделил его вертикальной полосой на две части. В правую колонку выписал те пункты, которые обсуждал с Юрковым, а точнее, то, кем погибшая не могла быть: не наркоманка, не уголовница, не алкоголичка, не бомжиха и так далее. В левую колонку внес параметры, описанные тем же Юрковым, которые тот отнес к положительным: питание, уход, спортивные занятия, материальное положение и возраст. Подчеркнув жирной чертой написанное, крупно вывел причину смерти. На вытянутой руке отнес листок подальше и посмотрел на плоды своего труда как бы со стороны. Получалось следующее: жила себе девушка, молодая, красивая, без материальных проблем и проблем со здоровьем. Правда, жила одиноко, ни мужем не обзавелась, ни ребенком. Трудно-

лась на износ, однако не позволяла переутомлению сказываться на внешности. И вдруг кто-то решил лишить ее жизни.

За что ее могли убить? Гуров взял следующий лист. Теперь в правую колонку он начал выписывать возможные причины убийства: ревность, месть за прошлые проступки, наследство, работа. Записав, начал разбирать каждый пункт отдельно. Ревность казалась маловероятным мотивом. Хотя бы потому, что Юрков выразил уверенность – девушка одинока. Одинокую девушку некому ревновать. Впрочем, пока факт одиночества не доказан, остается вероятность того, что убитая имела связь с женатым мужчиной. Такая связь не требует много времени и сил, так почему бы и нет? Жена изменщика узнала об убитой и решила избавиться от нее. И что? Она наняла киллера, который свернул сопернице шею, раздел донага, засунул в чемодан и отвез в парк? Нет, этот вариант маловероятен. Скорее жена изменщика пришла бы к разлучнице лично. Могла умолять бросить мужа, могла угрожать и даже как-то навредить девушке, но чтобы шею свернуть, а потом в чемодан? Сомнительно.

Вторая причина – месть человека, оскорбленного или обиженного в прошлом. Тоже как-то не вяжется. Не настолько убитая стара, чтобы успеть занять кровного врага. Впрочем, у Гурова в прошлом встречались дела, когда молодых людей убивали за проступки многолетней давности. Что в этом случае могла натворить девушка, подобная убитой? Опять же, мужика у жены увести? Или же проходить свидетельницей по какому-то уголовному или административному делу? Тот, кто был осужден благодаря ее показаниям, мог выйти на свободу, отыскать девушку и расправиться с ней. Способ убийства в этом случае вполне подходящий, а вот последующие действия убийцы совсем не вяжутся с данной версией. Преступник только вышел на свободу, зачем подвергать себя дополнительному риску и тащить тело в парк?

Наследство – версия хорошая, если принимать во внимание достаток девушки. Она не бедствовала, питалась отменно, маникюр за сорок баксов себе позволяла, а это значит, что и жилье в Москве могла иметь. За квартиру запросто способны убить, такое в столице не редкость. В этом случае преступник должен объявиться со дня на день, остается только терпеливо ждать. А когда он объявится, появится и направление в расследовании. Тело в квартире не оставили, чтобы запутать следствие, такое тоже нередко практикуется. Правда, этот трюк мало кому помогает, но преступники об этом не знают. Или не хотят знать.

И снова не сходится. Если наследник собирается вступить в законные права, зачем он избавился от всех предметов, способствующих опознанию трупа? Не логичнее ли было оставить при убитой одежду, сумочку, а еще лучше – паспорт? Найдено тело, произведено опознание, заявляй о своих правах. Ведь и школьнику известно: нет трупа, нет и наследства. Родственников объявляют пропавшим без вести, и наследники томятся в ожидании. Сколько в этом случае по закону ждать придется? Пять лет, да и то не всегда после пятилетнего ожидания люди получают полный доступ к нажитому пропавшим без вести. Так рисковать – и все впустую? Глупо.

Работа – четвертый мотив. Допустим, девушка работала в какой-то крупной фирме. Могла она в своем возрасте занимать солидную должность? Вполне. Это подтверждается стрессовыми нагрузками на организм и стабильным материальным положением. Например, главный бухгалтер. Они и зарабатывают неплохо, но и поводов для стресса у них хоть отбавляй. Что в этом случае могло произойти? Провернула махинацию с деньгами, обокрала босса, а тот, узнав правду, расправился с мошенницей. И что же, он вот так запросто простил ей потерю денег? Или же она без какого бы то ни было физического давления отдала ему уворованное? Скорее билась бы до последнего, понимая, что, как только босс получит деньги назад, ее часы сочтены. Но девушку не пытали, на теле нет никаких следов насилия. Значит, эта версия отпадает.

Рабочий мотив мог означать и то, что не сама убитая, а кто-то из заместителей босса наложил лапу на деньги фирмы. Девушка, как главный бухгалтер, об этом узнала и не придумала ничего лучше, как пригрозить разоблачением махинатору. А тот, недолго думая, убил ее.

Чтобы получить возможность припрятать деньги и скрыть следы финансового преступления, раздел девушку и вывез в парк. Неопознанным трупом она ему долго не навредит. Хорошая версия, жаль, подтвердить нечем.

Опять же, если ты главбух в солидной фирме, тебя обязательно хватятся. Значит, в списке Жаворонкова вышеозначенная дама непременно будет числиться. Тогда дело из разряда «висяков» перейдет в разряд быстрораскрываемых. Мечта любого опера! Но Гурова и эта версия смущала. Главными бухгалтерами в солидных фирмах полных дур не назначают, а пойти в открытую против финансового мошенника, никак не обезопасив себя, могла только полная дура. Конечно, есть вероятность, что девушка действовала не так открыто, а мошенник все равно узнал, что ему грозит разоблачение. Но в этом случае он наверняка попытался бы откупиться. Неужели преданность боссу помешала бы одинокой девушке пополнить свой счет кругленькой суммой? Вряд ли. Такая преданность нынче не в чести. Скорее она взяла бы деньги, уволилась с работы и начала бы жизнь на новом месте. Знания, опыт, внешность – все при ней. Зачем наживать себе врагов там, где можно нажить состояние?

Разумеется, есть риск быть разоблаченной вместе с махинатором, и тогда уже главбуху «светили» не Канары, а нары, но это только при самом плохом раскладе. Наверняка мошенник действовал с умом, а заручившись поддержкой главбуха, спрятать концы в воду еще проще. Да, дилемма! Прямо как в сказке. Поди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что. Какой вариант ни возьми, без исходных данных он так и останется эфемерной теорией. Не в силах усидеть на месте, Гуров встал и принялся мерить шагами кабинет. «Хоть бы уж скорее Валера списки принес», – нетерпеливо подумал он и, вернувшись к своему столу, решил позвонить в аналитический отдел, чтобы простым и проверенным способом ускорить процесс. Однако не успел он поднять трубку, как Жаворонков сам появился в дверях.

– Готово, товарищ полковник, – доложил капитан. – Два списка, как вы и просили.

– Давай их сюда, – не особо вежливо потребовал Гуров.

– Первый, тот, что длиннее, полный. Второй – исключительно москвички, – выкладывая листы перед полковником, пояснил Жаворонков.

Голос его при этом звучал слегка обиженно. Он не понимал, за что рассердился на него полковник. Лев понял, что совершил оплошность, и, спеша исправить положение, извинился:

– Прости, Валера, зря я вспылil. Просто у меня тут картина никак не складывается, вот я от нетерпения на людей и бросаюсь.

– Ерунда, я и не заметил, – повеселел Жаворонков и тут же предложил: – А хотите, я вам со списками разобраться помогу?

– Поздно уже, иди отдыхать, – отказался от помощи Гуров. – Ты и так задержался из-за меня.

– Мне не трудно, – настаивал Жаворонков. – И потом, мне на завтра начальство отгул одобрило. Буду отсыпаться до обеда. А вам еще работать.

– Ну, если ты настаиваешь, – сдался Лев. – Помощь мне не помешает. Крячко дергать генерал запретил. Слышал наверняка?

– Что-то такое парни в отделе обсуждали, – смутился Жаворонков. – Да я их не слушаю, мало ли что они набредут?

– Не набредали. Мне действительно наложили вето на использование физической и умственной поддержки напарника. Так что в этом деле я сам по себе.

– Вы с какого списка начнете, товарищ полковник? – желая уйти от щекотливой темы, спросил капитан. Обсуждать проблемы коллег, чье звание выше его, он считал неприемлемым.

Гуров догадался о том, что тема Жаворонкову неприятна, и не стал развивать мысль. Вместо этого протянул ему полный список и дал четкие указания: в первую очередь искать рыжеволосых. Если Жаворонков и удивился выбранному критерию, то вида не подал. Придвиг-

нув стул поближе к столу, он вооружился карандашом и принялся изучать список. Гуров взял в руки распечатку пропавших москвичек и тоже углубился в чтение.

Какое-то время работали в полном молчании. Потом капитан не выдержал, любопытство взяло верх, и он спросил:

– Товарищ полковник, а что, кроме цвета волос, у пропавшей никаких дополнительных особых примет не найдено?

– Никаких, Валера, – вздохнул Лев. – Разве что маникюр, но эту деталь в заявлении о пропаже вряд ли указывают.

– Не скажите, товарищ полковник, – возразил Жаворонков. – Вот года два назад у Егорьева дело было. Так там мужчину искали с пирсингом и черными ногтями трехсантиметрового размера. И ведь он не относился к так называемой субкультуре готов, просто решил, что длинные ногти и черный лак приятно контрастируют с его белокурыми волосами и бледной кожей. Псих, одним словом.

– Это совсем другое, – заметил Гуров, слушавший капитана вполуха. Все его внимание занимали записи.

– Может, и так, но я все равно буду искать и этот признак, – миролюбиво произнес Жаворонков. – Какие ногти у вашего трупа?

– Матово-белый маникюр с серебряной полосой на безымянном пальце, – поняв, что он не отстанет, ответил Гуров. – Еще, скорее всего, неизвестная не имеет семьи или же редко с ними общается.

– А это вы как узнали? – искренне удивился Жаворонков. – Неужели по трупу и такое можно определить?

– Кое-кто может, – усмехнулся Лев. – В нашей системе, капитан, работают весьма способные люди.

– Здорово! – почему-то обрадовался Жаворонков. – Интересно, а если бы мой труп в неопознанные попал, смогли бы по нему определить, что я проявлял способности к аналитической работе? Или что жил один?

– Насчет аналитики не знаю, а вот что поболтать любил – это непременно, – подавив смех, заявил Гуров.

– А по какому признаку? – на полном серьезе спросил Жаворонков.

– По языку опухшему, – не выдержав, рассмеялся Лев. – У всех, кто много болтает, язык во рту не помещается.

– Шутите, – догадался Жаворонков, но на шутку не обиделся. – А я-то, дурень, поверил.

– Ладно, не принимай на свой счет. Просто я больше в тишине работать привык. Так лучше думается.

– Я понял, мне нужно умолкнуть, – деловито кивнул Жаворонков и, склонившись над списком, на этот раз замолчал надолго.

Гуров углубился в работу, напрочь забыв о существовании капитана. Одно за другим он просматривал заявления, вычеркивая из списка имена тех, кто казался ему совершенно бесперспективным, и отмечая галочками имена, над которыми стоило поработать. Спустя двадцать минут он случайно бросил взгляд на Жаворонкова и невольно улыбнулся. Капитан сидел с закрытыми глазами и клевал носом, время от времени упираясь лбом в столешницу.

– Отставить, капитан! – громко произнес Лев.

Жаворонков подскочил на стуле, заморгал сонными глазами, не понимая, что происходит и где он находится.

– Что? Где? – вырвалось у него, и тут он понял, что заснул в кабинете полковника. Краска смущения залила щеки. – Простите, товарищ полковник, я, это, заснул, что ли?

– Это самое, – продолжая улыбаться, подтвердил Гуров. – Собирайся, капитан, пора на боковую.

– Да нет, товарищ полковник. Это я от тишины, а не от усталости, – начал оправдываться Жаворонков. – Я в тишине хуже работаю.

– Выходит, мне для тебя спеть нужно было, чтобы ты мне столешницу рогом не буравил? – пошутил Лев.

– Нет, петь не нужно, – испугался Жаворонков. – Я лучше вслух читать буду, тогда точно не усну.

– Лучше ты пойдешь домой и как следует выспишься. Рабовладельческий строй давно отменили, иди отдыхать.

– Разрешите еще часок поработать, товарищ полковник, – настаивал Жаворонков. – Одному вам с этими списками до утра не справиться.

– Ладно, оставайся. Но если снова носом клевать начнешь, тут же домой отправишься. Это приказ, капитан.

– Есть, отправиться домой, как только начну засыпать, – бодро согласился Жаворонков и тут же добавил: – А вслух читать разрешите?

– Читай, – коротко бросил Лев и вернулся к изучению заявлений.

Жаворонков просмотрел два последних листа и принялся читать с того места, где закончил:

– Пропала девушка, возраст двадцать пять полных лет. Рост сто пятьдесят четыре сантиметра, вес примерно восемьдесят килограммов. Ого, натуральный колобок. А ваша пропавшая девушка стройная? Да, наша стройная. Итак, гражданку Варыпаеву вычеркиваем. Кто у нас следующий? Девушка двадцати трех лет, рост сто семьдесят шесть сантиметров. Ее сразу в корзину. Наша красавица пониже будет. Следующий.

Под монотонное бормотание Жаворонкова Гуров дошел до последней пятерки заявлений. Надежда найти среди пропавших ту, что лежала сейчас в Царицынском морге, таяла с каждым вычеркнутым именем. «Неужели все труды впустую? – расстроено подумал он. – И Валерку понапрасну мурыжу, и сам время теряю. А все равно проверить нужно до конца. Отрицательный результат – тоже результат, не так ли мудрецы считают? Эх, хоть бы какая зацепочка появилась, а то ведь и начать не с чего. Генерал наверняка завтра первым делом на ковер вызовет. Отчета потребует. Что я ему скажу?»

Но в этот вечер удача была не на стороне полковника Гурова и капитана Жаворонкова. Просидев над списками до двух часов ночи, нужного заявления они так и не нашли. Отпустив капитана, Лев собрал листы в отдельную папку, выключил компьютер и поехал домой.

Глава 3

Новый день для Гурова начался не совсем гладко. Обещанные генералом Орловым «неограниченные ресурсы личного состава» каким-то волшебным образом превратились в скудную шестерку оперов, трое из которых служили в Управлении меньше года и совершенно не были знакомы с методами работы полковника. В итоге на инструктаж он потратил битых два часа, но и тогда уверенности в том, что собранная группа выполнит задание так, как следует, у полковника не появилось.

План оперативно-разыскных мероприятий был до смешного прост, но это не означало, что его выполнение окажется легким. Гуров разделил оперов на пары и каждой паре дал конкретное задание, которое те должны были выполнить к шести часам вечера, после чего вернуться в Управление с отчетом. Двое из них отправились на поквартирный обход прилежащего к Лосиному парку жилого массива. Двоих он отправил по элитным салонам красоты, снабдив снимками маникюра убитой. Еще двое получили задание и того сложнее: вооружившись зубной картой неизвестной, им предстояло обойти стоматологические клиники Москвы, начиная с района близ места происшествия.

Ни один из оперативников радости ввиду предстоящей работы не испытывал, и Гуров их за это не винил. Он прекрасно осознавал, что посылает их на поиски иголки в стоге сена. А что оставалось делать? Сложить руки и по примеру капитана Трушина ждать, что кто-то придет и заберет дело «Девушки в чемодане»? Только если у Трушина была хоть какая-то надежда на подобный исход, то ему такая удача явно не светила. Скорее дождется нагоняя от генерала. Тот будет кричать и брызгать слюной, доказывая Гурову, что результатов нет лишь потому, что он плохо старается. И, пожалуй, будет прав.

Гурову и самому предстояло занятие не из приятных. Во время ночного бдения в компании с капитаном Жаворонковым он отсортировал порядка десяти заявлений о пропаже девушек в возрастном диапазоне от двадцати трех до двадцати семи лет. Описание пропавших из этого списка не совсем точно совпадало с имеющимися параметрами, а по снимкам, представленным родственниками, понять, является ли пропавшая той самой, что найдена в Лосином парке, ввиду плохого качества снимков, а порой и давности предоставленного фото, было невозможно. Здесь Гуров делал скидку на разницу в возрасте и не всегда точное описание родственников.

По опыту он знал, что близкие порой не знают о своих родных элементарных вещей. Таких, как рост и вес, например. Что касается остального, то и подавно. В его практике был случай, когда двоюродный брат дал описание пропавшего родственника, перепутав даже цвет волос. Назвал русый, а на деле оказалось, что волосы пропавшего имеют характерный пепельно-седой оттенок. Когда заявителя спросили: как так вышло, что он перепутал цвет волос, тот растерянно ответил, что родственник был таким в возрасте чуть больше двадцати, а к сорока годам поседел. Заявитель решил, что первоначальный цвет важнее для поиска, и объяснить свое решение никак не смог.

Семь человек из подготовленного списка не являлись жителями столицы. Разбираться с их родственниками предстояло исключительно по телефону. Гуров послал запросы в города, в которых проживали родственники пропавших в Москве девушек, назначив время для беседы с интервалом в тридцать минут. Местным операм предстояло организовать доставку родственников в отдел, проследив за тем, чтобы те озаботились поиском наиболее поздних фотографий пропавших, и наладить видеосвязь со столицей. А пока шла подготовительная работа в областях, Гурову предстояло встретиться с родственниками оставшихся трех, которые проживали в столице.

Он не стал приглашать родственников в отдел, посчитав, что будет лучше встретиться с ними на их территории. В случае, если его предположение подтвердится, им и так предстояло нелегкое испытание опознания. Выехать по адресам Лев смог только в четверть одиннадцатого, а первый сеанс видеосвязи был назначен на три часа дня, так что в его распоряжении оставалось не так много времени. Особенно если учитывать ситуацию на столичных дорогах.

До первого заявителя он доехал в максимально короткий срок, за сорок минут добравшись до улицы Лобачевского. Заявителем оказался дородный дядька лет пятидесяти пяти. Пропавшая приходилась ему племянницей по линии жены. Сама жена, уроженка села Панино Воронежской области, лет десять как скончалась, а вот родственники ее до сих пор присылали своих детей в столицу, полагая, что дядька обязан устраивать их судьбу. Все это Дмитрий Пружаков буквально с порога вывалил на Гурова, как только тот появился в дверях.

– А мне это надо? – раздраженно потрясая головой, громогласно возмущался Пружаков, его массивный третий подбородок при этом трясся, как плохо застывший студень. – Я ее приютил, обогрел, а она вон что выкинула. Теперь мне еще по милициям бегать.

– Вы позволите войти? – Гуров решительно отодвинул хозяина в сторону, проходя в прихожую. – Не думаю, что разговор на пороге такая уж хорошая идея.

– Да, да, проходите, – запоздало предложил Пружаков. – Не обращайте внимания на беспорядок, я немного расстроен, а в таком состоянии, сами понимаете, не до уборки.

Гуров прошел в гостиную, запущенную до безобразия. Старая мебель хранила следы долгих возлияний и чрезмерного увлечения кулинарными изысками. Потёки от сока соседствовали с пятнами жира, а кое-где и с присохшими к мебели остатками пищи. Занавески на окне походили на физическую карту мира, так много было на них пятен всех цветов и оттенков. По всей видимости, хозяин гостиной использовал занавески вместо салфеток. У кресла, расположенного возле окна, стоял журнальный столик. Гора немытой посуды высотой с Эйфелеву башню выглядела так, будто в любой момент готова рухнуть. Под столом скопились бутылки исключительно одного сорта водки, вероятно, самой дешевой из ассортимента ближайшего супермаркета. Перехватив хмурый взгляд Гурова, Пружаков сделал вялую попытку оправдаться.

– А чего вы ждали? Я уже две недели на нервах, – заявил он и даже нотку слезливости в голос добавил. – Как Ларочка исчезла, так я места себе не нахожу. Все думаю: где она, как она? Что, если ее не найдут, мне ведь перед родней отчитываться.

– Так родственники Ларисы не знают о ее пропаже? – опешил Гуров.

– Разумеется, нет! Как я им об этом скажу, когда и сам не в курсе, что с Ларочкой случилось?

– И вы не связывались с ними, чтобы узнать, не дома ли она?

– Ну, почему, звонил. Узнал, как у них дела, какие новости. Так они про Ларочку ничего не говорили, значит, не дома она. Тогда я в полицию и пошел, заявление писать.

– В какой комнате жила Лариса? – спросил Гуров, оглядываясь на две закрытые двери в узком коридоре.

– В той, что слева. Там ее спальня, – охотно отозвался Пружаков. – Желаете взглянуть?

– Если можно.

– Можно, только дверь на ключ заперта, а ключа у меня нет, – неожиданно заявил хозяин. – Ларочка – девочка скрытная, как въехала, сразу замок в дверь врезала. Я не противился, пусть себе закрывается, мне-то что? Пока она условия выполняет... – Пружаков осекся, сообразив, что сболтнул лишнее, но Гуров тут же зацепился за его слова и строго спросил:

– Что за условия?

– Да так, бытовые мелочи, – неохотно произнес Пружаков. – Мусор выносить, на кухне прибирать. То да се.

– Про это «то да се» поконкретнее, пожалуйста.

– Ну, Ларочка не совсем безвозмездно моим гостеприимством пользовалась, – промямлил Пружаков. – Продукты мне иногда покупала, из бытовой химии кое-что.

– И спиртное, – подытожил Лев.

– Бывало, – не стал отрицать очевидное Пружаков.

– Поэтому вы в розыск и подали, не хотелось лишаться дармовой выпивки.

– Почему дармовой? Знаете, сколько в Москве квартиру снять стоит? Тыщи немереные! А я ее за просто так пускал. Даже за коммунальные платежи с нее не высчитывал. Подумаешь, пару бутылок «сорокоградусной» в месяц купить. Это же халява.

– На работу к Ларисе вы обращались? Быть может, она просто от вас ушла, а не пропала без вести?

– Нет ее на работе. Сказали – уволилась. А как уволилась, если ей жить на что-то надо?

– Оставайтесь здесь, я осмотрю ее комнату. Отвертка у вас найдется? – спросил Гуров.

– В прихожей в верхнем ящике комода, – ответил Пружаков и, усевшись в любимое кресло, загремел бутылками, отыскивая среди них недопитую.

Лев прошел в прихожую, выдвинул верхний ящик комода. Там действительно лежали инструменты. Выбрав отвертку покрупнее, прошел к двери комнаты Ларисы. Замок на двери оказался несложной конструкции, он справился с ним за пару минут. Войдя в комнату, сразу понял: версия о том, что девушка попросту сбежала от пьяницы-дядьки, не подтвердилась. Все личные вещи девушки оказались на месте. В шкафу висела одежда на все сезоны, на прикроватной тумбочке стояли флаконы духов и тюбики крема, на стене висели фотографии в дешевых рамках, преимущественно одних и тех же мужчины и женщины. Лев решил, что на снимках родители Ларисы. Как ни крути, а оставить все это по доброй воле девушка не могла, хоть фотографии, но забрала бы.

Он открыл тумбочку, проверил содержимое. Пара любовных романов в мягкой обложке, косметичка, электронный планшет не из дешевых, кое-что из посуды, видимо, Лариса брезговала пользоваться одной посудой с дядей. Затем включил планшет, заряда в нем оставалось процентов тридцать. Поискал папку с фотографиями, открыл ее и начал просматривать снимки. На них была изображена девушка в компании друзей и в одиночестве. Гуров вздохнул. Никакого сходства с девушкой, найденной в Лосином парке. На всякий случай решил убедиться, что на снимках изображена именно Лариса, и предъявил снимки Пружакову. Тот подтвердил, что это она, и Лев, вернув планшет на место, запер дверь и вернулся в гостиную.

– Простите, что отнял у вас время, – сухо проговорил он. – Если появятся новости о Ларисе, вас оповестят.

– Так а зачем вы приходили? – не понял Пружаков. – Разве вы не нашли Ларочку?

– Нет, мы ошиблись, – ответил Гуров и быстрым шагом вышел из квартиры. Остаться в доме Пружакова дольше необходимого у него не было никакого желания.

Родственники второй девушки из списка оказались полной противоположностью пропойцы Пружакова. Дорогая квартира в элитном доме довольно престижного района. Встретила Гурова мать пропавшей. Сухо поздоровалась, провела в шикарно обставленную гостиную и выложила перед ним фотоальбом в электронном формате, заявив, что эта вещь принадлежит дочери. На снимках была изображена девушка, чем-то отдаленно напоминающая убитую. Вот только волосы... Девушка на фото так часто меняла цвет волос, что из доброй сотни просмотренных снимков Лев так и не встретил того оттенка рыжего, что у покойной.

Пришлось задавать вопрос матери. Та подтвердила, что натуральный цвет волос ее дочери – рыжий. Она предоставила в районный отдел более двух десятков снимков, но по какой-то причине сотрудники полиции, составлявшие досье, выбрали ту, что видел Гуров. На ней, по словам матери, девушка снята три года назад, когда период поиска своего стиля еще не вышел за рамки разумного. Гуров прокрутил в голове содержание заявления: девушка пропала два месяца назад, тогда ее волосы были окрашены сразу в три цвета. Произведя нехитрые под-

счета, он понял, что, даже если бы девушка обрила голову наголо, пышная рыжая шевелюра не успела бы вырасти до дня предполагаемой гибели. Подробности расчетов он матери сообщать не стал, ограничившись заявлением, что найденная девушка не ее дочь, и, произнеся стандартную фразу о том, что в случае появления новостей с ней свяжутся, поспешил откланяться.

Квартира родственников последней из списка девушки располагалась в соседнем районе. Гуров подъехал туда около часа дня. Дом, в котором проживали заявители, оказался типовой застройки многоэтажкой. Нужная квартира отыскилась на четвертом этаже. Дверь ему открыла заплаканная женщина. Средних лет, средней комплекции, с печальными глазами и морщинами вокруг глаз. Волосы женщины резко контрастировали с бледным цветом лица. Оттенок рыжины точь-в-точь совпадал с тем, что Гуров видел в Царицынском море.

– Добрый день, – поздоровалась женщина. – Проходите, пожалуйста. Чаю хотите?

– Нет, спасибо, – отказался Лев. У него возникло смутное ощущение, что визит его не принесет женщине облегчения. – Полковник Гуров. Если можно, перейдем сразу к главному.

– Ну а я – Зинаида Васильевна. Вы ведь насчет Танюши? Из телефонного разговора я не совсем поняла, в чем заключается цель вашего визита, – проговорила женщина. Она пропустила Гурова в небольшую комнату, видимо, принадлежавшую когда-то пропавшей девушке. – Есть новости о Тане?

– Пока неясно, – уклонился от прямого ответа Лев. – Скажите, Татьяна проживала вместе с вами?

– Нет, что вы, Танечка у нас совершенно самостоятельная девочка. Да я и не родственница ей, – замахала руками Зинаида Васильевна. – Она снимала у меня комнату, когда только в Москву перебралась. Раньше она в Подмосковье жила, вместе с сестрой и престарелой бабкой. Потом бабка померла, а Танюша приехала в Москву, деньги зарабатывать. Вот в этой комнате и жила.

– Как давно она съехала? – машинально поинтересовался Гуров.

– Лет пять назад, – смущенно ответила Зинаида Васильевна. – Я после нее никого на постой не пускала, как-то не хотелось чужих возле себя держать. После Танечки. Мы ведь с ней крепко подружились, по-настоящему, понимаете? Такое редко бывает, но все же случается. Танюшка пару раз в месяц ко мне в гости приезжала, для нее комнату и держу.

– А потом приезжать перестала, – подсказал Гуров.

– Перестала. И на звонки не отвечает, и на работе ее нет. Я туда ездила. Мне сказали, что пропала она, на работу не выходит. Ее кадровики уже уволили задним числом, так у нас в столице дела делаются, – вздохнула Зинаида Васильевна.

– Я думал, она ваша родственница, – красноречиво взглянув на прическу Зинаиды Васильевны, произнес Гуров.

– Это из-за цвета волос? – Зинаида Васильевна рассмеялась неожиданно задорным, заразительным смехом. – Мы с Танюшей часто шутили по этому поводу. Оттенок уж больно идеально совпадал. Она рыжая, и я рыжая. Может, на этом и сошлись.

– У вас есть последние фотографии Татьяны?

– Совсем свежих нет. Года два назад она в Крым отдыхать ездила, оттуда привезла пару снимков. Ну, знаете, из категории «посмотрите, где я была». Там лица почти не видно, только достопримечательности крымские. Ялта, Мисхор, Ласточкино гнездо. Танюша на них совсем крошечная, вряд ли что разглядите. Вы ведь для этого про фото спросили, чтобы понять, ее ли нашли?

Гуров промолчал, отметив про себя, что Зинаида Васильевна попала в самую точку, хотя о найденном теле он ей ни слова не говорил, ни по телефону, ни в разговоре.

– Послушайте, товарищ Гуров, так ведь вас зовут? – Зинаида Васильевна мягко прикоснулась к его плечу. – Вы меня не щадите. Что бы вы ни сказали, все лучше неизвестности. Как

подумаю, что Танечка жива, что ее мучает какой-то маньяк, так сразу мысли в голову лезут: лучше б уж мертва оказалась. Наверное, плохо так думать, но тут ничего не поделаешь.

– Ничего плохого в ваших мыслях нет. Иной раз действительно лучше узнать самое страшное, чем день за днем прокручивать в голове ужасные картины. Да и для пропавших так бывает лучше.

– Наверное, это оттого, что она мне не родная. Будь она моей дочерью, может, я бы до последнего молилась, чтобы жива была.

– Скажите, вы с ее сестрой связаться не пытались? – перевел тему Гуров.

– Так я и не знаю, где ее искать, – ответила Зинаида Васильевна. – Знаю, что Танюша из Подмосковья, а откуда конкретно, не помню. То ли Зуево, то ли Зуйково, а может, и вовсе другое название. Танюша редко про дом рассказывала, не любила вспоминать. И сама туда не ездила. Разладилось у них что-то с сестрой. А бабка померла, к кому ездить-то?

– Значит, никаких снимков у вас нет? – повторил вопрос Лев, понимая, что скоро придется предложить женщине проехать в морг на опознание.

– Нет, боюсь, что нет. Одна была, так я ее в полицию сдала, когда заявление писала, – пояснила Зинаида Васильевна. – Они ведь сперва брать его не хотели, но я, когда требуется, могу быть настойчивой. Взяли. С третьего раза, но взяли. Правда, не думала, что ее на самом деле ищут, а тут ваш звонок. Скажите, вы нашли Таню? Из-за этого и приехали?

– В парковой зоне Лосиногостовского Острова найдено тело девушки, – после короткой паузы начал Гуров. – Приметы совпадают с теми, что указаны в вашем заявлении. Приложенный снимок не дает полной уверенности в том, что найденная девушка действительно Татьяна Комова. Я надеялся получить от вас другие снимки и по ним определить более точно.

– Но снимков нет, и остается один-единственный способ узнать, правы ли вы, – я должна опознать тело, так ведь у вас это называется?

– Совершенно верно, Зинаида Васильевна, вам нужно опознать тело. – Гуров был благодарен женщине, что страшные слова за него произнесла она. – Вы готовы сделать это? Пригласить вас мы не имеем права.

– Какое принуждение? – махнула рукой Зинаида Васильевна. – Конечно, я поеду. Прямо сейчас?

– Если вы готовы.

Без лишних слов Зинаида Васильевна скрылась в соседней комнате, а через пять минут вышла, сменив халат на строгий костюм темных тонов. Взяв с полки дамскую сумку, она коротко проговорила:

– Я готова, – и указала рукой на выход.

Гуров вышел первым, Зинаида Васильевна следом за ним. Лифта дожидаться не стали, спустились по лестнице. Всю дорогу до морга женщина не проронила ни слова, а как припарковались на стоянке, вдруг расплакалась. Гуров вышел из машины, давая ей возможность выплакаться в одиночестве. Плакала Зинаида Васильевна долго, потом успокоилась. Вышла из машины, взглянула заплаканными глазами на Гурова и задала вопрос, который мучил ее всю дорогу:

– Это будет страшно?

– Нет, – с полуслова поняв, о чем идет речь, поспешил успокоить ее Лев. – Она не сильно пострадала, я имею в виду, внешне. Никакой крови, никаких шрамов, – и добавил, сам не зная, почему: – Она очень красивая.

– Я ведь даже не спросила, как она умерла. Та девушка, что лежит в морге... Как она умерла?

– Перелом шейных позвонков, – стараясь говорить как можно мягче, ответил Лев.

– Что это значит?

– При переломе шейного отдела позвоночника происходит повреждение продолговатого мозга, отвечающего за работу жизненно важных центров. Они отключаются. Прекращается дыхание, сердечная деятельность...

– Это больно? Она страдала? – Губы Зинаиды Васильевны задрожали, она снова готова была расплакаться.

– Нет, не страдала. Это мгновенная смерть.

Чтобы предотвратить дальнейшие расспросы, Гуров развернулся и пошел к дверям морга. Зинаида Васильевна с минуту стояла на месте, потом поспешила за полковником. В морге их встретил все тот же Юрков. Он провел их к холодильным камерам, открыл дверцу под номером шестнадцать, выдвинул носилки и бросил вопросительный взгляд на Гурова. Тот выждал некоторое время, затем обратился к Зинаиде Васильевне:

– Сейчас сотрудник морга покажет вам лицо. Вы должны будете посмотреть и определить, является ли покойная Татьяной Комовой. Не торопитесь, начнем тогда, когда вы будете готовы.

– Я готова, – просто ответила женщина.

Юрков помедлил пару секунд, потом потянул за край бумажной простыни. Зинаида Васильевна напряглась, вцепилась в руку Гурова и едва слышно прошептала:

– Погодите, стоп!

Он был готов к подобной реакции, поэтому жестом остановил Юркова, взял руку Зинаиды Васильевны в свою и крепко пожал. Она же неотрывно смотрела на прядь волос, выбившуюся из-под простыни, и не могла произнести ни звука.

– Зинаида Васильевна, мы можем остановиться. Выйдем на воздух, вам сразу полегчает, – предложил Лев. – А когда поймете, что готовы, снова зайдем.

– Нет, не стоит затягивать, – справившись с волнением, произнесла женщина. – Давайте поскорее покончим с этим.

Юрков сдвинул простынь до плеч. Зинаида Васильевна впиалась взглядом в лицо лежащей на носилках девушки. По ее щекам потекли слезы. Она и не пыталась их стереть. Молча стояла, смотрела и плакала. Гуров дал ей пару минут, после чего задал главный вопрос:

– Зинаида Васильевна, вы узнаете эту девушку?

– Танечка, Танюшка, – сорвалось с уст женщины, и она, выпустив руку полковника, лишилась чувств.

Гуров и Юрков были готовы и к этому. Лев подхватил тело Зинаиды Васильевны, Юрков поспешил на помощь. Вдвоем они отнесли женщину в комнату отдыха, положили на диван.

– Еще долго продержалась, – прокомментировал привычный к женским обморокам Сергей. – Некоторые еще на пороге отрубаются. И не только женщины, но иной раз и мужики.

– Серега, хорош разглагольствовать, – прервал его Гуров. – Нашатырь неси.

– Будет сделано, гражданин начальник, – шутливо козырнул Юрков. – Да не переживай ты так, все с твоей Зинаидой будет в порядке. Пару минут – и она придет в норму.

Он метнулся к аптечке, принес пузырек нашатырного спирта и кусок ваты. Щедро смочив вату пахучей жидкостью, поднес ее к лицу женщины и поводил возле носа. Никакой реакции не последовало.

– Да, крепко ее скрутило, – вздохнул Юрков. – Как думаешь, она узнала девушку?

– Трудно сказать, – пожал плечами Лев. – По словам и реакции вроде как узнала, но ты ведь знаешь, как бывает: увидела похожий цвет волос, остальное воображение дорисовало, и уже перед тобой не неизвестная девушка, а родная кровинка. Сколько ни смотри, будешь видеть того, кого воображение рисует.

– Повторно придется показывать?

– Скорее всего, – вздохнул Лев.

Юрков снова провел ваткой возле носа Зинаиды Васильевны. Она пошевелилась, наморщила нос и громко чихнула.

– Ну вот, я же говорил, что все будет в порядке, – довольно заметил Сергей. – Просыпайтесь, мадам, пора возвращаться к жизни.

Зинаида Васильевна открыла глаза, поморгала ресницами, привыкая к яркому свету. Взгляд ее задержался на лице Гурова, и тут она вспомнила, где находится и что тут делает. Из глаз снова потекли слезы.

– Ну-ну, не стоит плакать. – Юрков помог ей принять сидячее положение. – Сейчас я вам водички налью. А может, что покрепче?

Вопрос был адресован Гурову, тот отрицательно покачал головой, и Сергей, наполнив стакан обычной питьевой водой, поднес его к губам женщины. Та сделала два маленьких глоточка, отодвинула его руку в сторону и снова перевела взгляд на Гурова. Он выждал с минуту, после чего спросил:

– Зинаида Васильевна, вы помните, зачем мы здесь?

– Чтобы опознать тело Танюши, – негромко произнесла женщина.

– Это Татьяна?

– Да, это она, – ответила Зинаида Васильевна и залилась слезами.

– Похоже, без горячительного не обойтись, – вздохнул Юрков и, достав из тумбочки металлическую фляжку, плеснул пару глотков в пустой стакан. На этот раз разрешения Гурова он дожидаться не стал. Поднес стакан к губам женщины и принялся мягко уговаривать:

– Выпей это, родная. Поверь, сразу станет легче, – и, запрокинув ее голову, буквально насильно влил янтарную жидкость ей в рот. – Вот, теперь глотай. Не выплевывай, глотай, говорю. Молодчина! А теперь водички. Всего три глоточка – и отпустит.

Зинаида Васильевна послушно отпила три глотка из стакана, затем забрала его из рук Юркова и допила до дна. Вода смешалась с алкоголем и погнала его в кровь. Спустя несколько минут щеки женщины порозовели, губы приобрели привычный оттенок, и лишь в глазах оставались тоска и безысходность. Гуров наблюдал за действиями друга и не вмешивался. В деле успокоения родственников у того опыта было куда больше. Некоторое время Юрков внимательно наблюдал за реакцией женщины и озабоченно качал головой. Ему что-то явно не нравилось. Женщина не плакала, не причитала, она вообще никак не реагировала на окружающих. Сидела, как соляной столб, уставившись в одну точку.

– Такую ее обратно в холодильную вести нельзя, – негромко, чтобы мог расслышать только Гуров, проговорил Сергей. – Доза маловата, что ли?

– Ты ее еще напои здесь, – проворчал Гуров, но, когда друг полез за второй порцией коньяка, останавливать его не стал.

После второй порции спиртного лицо Зинаиды Васильевны приняло расслабленное выражение. Юрков удовлетворенно кивнул и повернулся к Гурову:

– Теперь пора.

– Ты уверен? – с сомнением глядя на женщину, переспросил Лев.

– На все сто, – ответил Юрков и первым заговорил с женщиной: – Зинаида Васильевна, процедура опознания еще не окончена. Так уж положено, чтобы заявитель дважды осмотрел тело. Первое впечатление обманчиво, а нам ошибки допустить никак нельзя. Вы меня слышите? Понимаете, о чем идет речь?

– Я должна снова вернуться в ту ужасную комнату и еще раз посмотреть на Танюшку, – на автомате повторила Зинаида Васильевна.

– Верно, должны вернуться. Так как, пошли, что ли?

– Пошли, – согласно кивнула она.

Гуров и Юрков подхватили Зинаиду Васильевну под руки, подняли с дивана и повели ее, поддерживая с двух сторон. Оказавшись возле холодильной камеры, Зинаида Васильевна

снова заплакала. Гуров нахмурился, а Юрков быстро выдвинул носилки и отбросил простыню, не обращая внимания на слезы женщины.

– Откройте глаза, Зинаида Васильевна, – мягко проговорил он. – Взгляните еще раз. Только смотрите не на волосы. На нос, на лоб, на уши и плечи. Танюшкин ли это нос? Он с горбинкой. У Танюшки нос с горбинкой? А разрез глаз? Ресницы не особо густые. У Танюшки ресницы жидковатые? На скулы внимание обратите. Видите, какие они острые и широкие. У вашей Танюшки тоже такие?

Юрков все приговаривал и приговаривал, а Зинаида Васильевна вглядывалась в лицо лежащей перед ней девушки и постепенно выражение боли стало исчезать с ее лица. Наконец она отстранилась от Гурова, подошла ближе, потом поменяла ракурс, зайдя с противоположной стороны. Склонилась совсем близко над телом, изучая мочки ушей. Потом перешла к рукам и ногам. Гуров и Юрков отошли в сторонку, не желая ей мешать. Осмотрев последний сантиметр тела, Зинаида Васильевна повернулась к мужчинам. Лицо ее озарила улыбка облегчения, которая сказала Гурову больше, чем последующая фраза:

– Это не моя Танюшка. Это не Татьяна Комова.

– Вы в этом уверены? – переспросил он, не зная, обрадовал ли его ответ женщины или разочаровал. – Вы уверены в том, что эта девушка не Татьяна Комова?

– Уверена. На этот раз уверена, – подтвердила Зинаида Васильевна. – Когда он про мочки ушей сказал, я вспомнила, что у Танюшки уши никогда проколоты не были, а тут дырочки, видите? Конечно, она могла и после своего исчезновения уши проколоть, я это понимаю. Но вот форма ушей. Она ведь не могла измениться? Знаете, почему Танюшка уши не прокалывала, предпочитаемая серьгам клипсы? Потому что у нее практически не было мочек. Так, перемычка от хряща к шее. Ей это не нравилось, из-за этого она и волосы длинные носила, чтобы уши в глаза не бросались. И без клипс из дома не выходила. Раньше ей трудно приходилось, с таких мочек клипсы постоянно слетают, а теперь новые зажимы придумали. Они не на мочке, а прямо на раковине держатся. Очень оригинально, между прочим.

– Я понял, – остановил нервный речевой поток Гуров. – Это не Татьяна, и вы в этом абсолютно уверены.

– Есть и другие доказательства, – начала Зинаида Васильевна, но Лев снова ее прервал:

– Этого достаточно, – и кивнул Юркову, намекая на то, что пора закругляться.

Юрков вернул простыню на место, задвинул носилки и закрыл холодильную камеру. После этого мягко взял Зинаиду Васильевну под руку и вывел на улицу. Гурову не хотелось оставлять женщину в таком состоянии, но время поджимало, пора было возвращаться в отдел. Юрков догадался о терзаниях друга и заявил, что вызовет такси.

– Езжай, Лева, я проконтролирую, чтобы Зинаида Васильевна добралась до дома целой и невредимой, – пообещал он.

Гуров благодарно кивнул, попрощался с Зинаидой Васильевной, сел в машину и покатил в Управление. Времени на дорогу оставалось всего ничего. Первый сеанс связи был назначен на три часа, и ему не хотелось опаздывать. «Жаль, что с Комовой не срослось, – размышлял он по дороге. – Скорее всего, Комова тоже мертва, только ее тело пока не обнаружили, так что ты, Гуров, своими сожалениями не навлекаешь на нее беду. Просто ее опознание откладывается на неопределенное время».

Ему стало любопытно, думает ли Зинаида Васильевна теперь, после проведенного опознания, что Татьяне Комовой лучше бы быть мертвой? Гуров склонялся к тому, что на этот вопрос у женщины мнение изменилось. Сам же он предпочел бы, чтобы у его неизвестной появилось наконец имя и можно было бы начать раскручивать дело. А пока имени нет, ему предстояло провести семь бесед, в ходе которых он должен решить, стоит ли кого-то из заявителей вызывать в Москву на опознание или их приезд окажется такой же «пустышкой», как визит к Зинаиде Васильевне.

Размышления помогли скоротать время в дороге. Гуров не заметил, как подъехал к зданию на Петровке. Он завел машину на спецстоянку без двух минут три. Хлопнув дверцей, на ходу спрятал ключи в карман брюк, достал удостоверение и, промчавшись по вестибюлю, ворвался в аналитический отдел к капитану Жаворонкову. Тот сидел перед монитором компьютера, камера работала, а из динамика звучал голос одного из сотрудников полиции города Северодвинска, которому было назначено на пятнадцать часов. Лев жестом приказал Жаворонкову освободить кресло, сам плюхнулся в него и включил микрофон. Сеанс связи начался.

Глава 4

Стрелки часов показывали без четверти пять, когда Гуров открыл глаза. Это повторялось второй день подряд: его резко выбрасывало из сна, после чего заснуть он уже не мог. Вылеживать положенные часы он никогда не любил, поэтому поднимался и, несмотря на ранний час, ехал в Управление. На самом деле и в Управлении дел у него было немного, но ситуация в любой момент могла измениться, и необязательно в худшую сторону.

Застой в работе случился по той причине, что определение имени убитой в парке девушки зашло в тупик. Гуров и его помощники исчерпали все возможности, которых и без того было немного. Многочасовой сеанс связи с заявителями из списка людей, пропавших без вести, не дал даже надежды. Ни одного из заявителей и в Москву приглашать не пришлось, так как спустя десять-пятнадцать минут после начала разговора Гуров уже понимал, что говорят они о разных людях.

Поквартирный опрос все еще продолжался, но за двое суток все, чего добились оперативники, это собрали кучу жалоб жителей района. На что только не жаловались квартиросъемщики: на плохое освещение, на загазованность, на близость автомобильной магистрали и пыль в квартирах. Но больше всего жалоб оказалось на работу местного участкового. И со шпаной дворовой, мол, он не борется, и алкашей с детских площадок не гоняет, и на притоны наркоманов и проституток глаза закрывает. Одним словом, все жители микрорайона главным виновником в смерти девушки единогласно провозгласили своего участкового, мол, он недоглядел. А шустрого старичка с полевым биноклем, мечту любого сыскаря, в районе так и не обнаружили.

Парни, которые работали по стоматологическим клиникам, за двое суток не успели посетить и трети стоматологических клиник столицы. А ведь, помимо крупных фирм, были еще и кабинеты частной практики, и специалисты в комплексных учреждениях, где, помимо услуг стоматолога, люди могли получить целый спектр медицинских услуг. Эту работу Гуров останавливать не планировал. Даже если на обход уйдет месяц, результат обязательно будет, так он полагал.

Салоны красоты и кабинеты маникюра выдавали противоречивую информацию, из-за чего Гурову то и дело приходилось выезжать на очередной адрес – в надежде, что оперативникам удалось найти место, где покойной делали маникюр. Но каждый раз вызов оказывался ложным. То маникюрша в чужой работе признавала свою, а потом оказывалось, что подобной техникой она совсем не владеет. То по снимкам сотрудница салона погибшую узнавала, а как только Гуров начинал задавать более конкретные вопросы, становилось понятно, что и это «пустышка».

Ситуация выматывала его, выводила из себя. Он не привык топтаться на месте, к отсутствию результата, оттого и сон не шел, и настроение выше отметки «удовлетворительно» не поднималось. К тому же Стас Крячко все еще возился со сбором улик по делу, из-за которого генерал отстранил его от поиска убийцы «Девушки в чемодане». Последние дни они почти не пересекались. В какое бы время Гуров ни пришел в Управление – ранним утром, в обеденный перерыв или поздно вечером, – он неизменно слышал от дежурного, что Стас либо только что ушел, либо еще не появился. Вот почему он был так удивлен, когда, придя в кабинет в начале восьмого, застал там Станислава. С минуту Гуров молча стоял на пороге, умиляясь открывшейся картиной. Крячко лежал на узеньком диванчике возле окна, положив под щеку обе ладони. Старый китель прикрывал ноги, под головой лежал вещмешок. Солнечные лучи пробивались сквозь пыльное окно и скользили по лицу, отчего улыбка на лице Стаса выглядела удивительно безмятежной. Лев еще пару минут наслаждался зрелищем, затем прикрыл за собой дверь и громко выкрикнул:

– Подъем!

– Что? Где? – Крячко подскочил на диване. – Я не сплю!

– Вижу, как ты не спишь, – заулыбался Гуров. – Просыпайся, бездельник, утро на дворе.

– Который час? – Стас потер ладонями лицо, пытаясь прогнать сон.

– Восьми еще нет. Так что разгуливайся побыстрее, пока рабочий день не начался, имею полное право тебя поэксплуатировать.

– Гуров, совесть имей, я двое суток практически без сна, какая может быть эксплуатация? – простонал Крячко. – Лучше бы кофейку другу сварганил. А еще лучше, если бы с булочками. Жрать охота, аж живот сводит.

– Жрать будешь, когда столовая откроется. Сейчас поблизости ни одного открытого магазина нет. А кофейком побалую. Только вчера свежую банку принес. Может, и печенюшки какие-никакие отыщутся. Сходи умойся, пока народ подтягиваться не начал.

Крячко вернул старый китель в шкаф и вышел из кабинета. Пока он ходил, Лев вскипятит чайник, наполнил чашки кипятком и выставил на стол банку кофе, сахарницу и блюдце, в котором сиротливо лежали три овсяных печенья.

– Запах одуряющий, – вернувшись в кабинет и вдыхая носом воздух, похвалил Крячко. – Молока нет? Жаль, с молоком вкуснее.

– Не привередничай, Стас. Пей, что дают. – Гуров забрал со стола одну из чашек, уселся за свой стол и, сделав первый глоток, похвалил: – Прекрасный кофе, и никакого молока не нужно.

– О чем поговорить хотел? – набивая рот печеньем, напомнил Крячко. – Про свою неизвестную в чемодане?

– Про нее, Стас, про кого же еще? Проблема у меня, и довольно серьезная.

– Никак не определите, кто она по паспорту?

– Угадал. Столько сил на это убили, столько времени, а результат нулевой.

– Слыхал. Ребята в отделе говорили. Твои новые адепты из шестерки эксплуатируемых на чем свет тебя кляли. Твое имя теперь стало нарицательным, в одном строю с Иродом, Гитлером и Муссолини.

– Неужели все так плохо?

– И даже хуже. Просто это я такой добрый, не хочу друга лишний раз расстраивать, – пошутил Крячко.

– А чего они хотели? Искать зацепки по неопознанным никогда не было простым делом, – заметил Гуров.

– Им от этого не легче, – возразил Стас. – Ты хоть представляешь, сколько в Москве стоматологичек? А мастеров маникюра? Это ж убиться можно! Ноги по колено сотрешь, пока твое задание выполнишь. Мачеха к Золушке и то добрее была.

– Ладно, кончай хохмить! Раз уж ты так хорошо осведомлен о моем деле, может, вместо подначек что-то умное подскажешь?

– Да что тут подскажешь? – посерьезнел Крячко. – Сработал ты грамотно, все нюансы учел. Даже вот про маникюр сообразил, что он не из копеечных, и клиентов такого рода в салонах запоминают. Только дело тут не в сообразительности или упорстве. Тут все решает случай, и об этом ты знаешь не хуже моего. Повезет, улыбнется удача – нападешь на человека, который убитую при жизни встречал. Не повезет – так и останется она в потеряшках.

– Вот спасибо, утешил, – вздохнул Лев и, достав из верхнего ящика стола дело неизвестной, принялся задумчиво перебирать собранные материалы.

Крячко взял в руки фото девушки. Лицо ее выглядело безмятежным. Если бы Стас не знал, при каких обстоятельствах сделан снимок, ни за что не подумал бы, что девушка мертва. Просто глаза прикрыла.

– Красивая, – прокомментировал он. – Ничего, подожди немного, вот развяжусь с текущей, помогу. Одна голова хорошо, а две все-таки лучше.

– Не могу я больше ждать! – в сердцах воскликнул Лев. – Незнание меня с ума сводит. Все думаю: может, стоит в Лосиный съездить, пусть время прошло, но все же – место происшествия осмотреть не помешает. Еще думаю: зря я заикнулся на девушке. Преступника искать нужно, а не опознанием убитой заниматься.

– Да как ты его искать будешь? Отпечатков у тебя нет, примет нет, улик никаких, свидетели его не видели. Ни описания внешности, ни номера и марки машины. Нет, Лева, в этом направлении тебе шагать некуда.

– Пока некуда, – поправил Гуров. – Потому и хочу сегодня в парк сгонять. А еще хочу к собачнику заскочить. В прошлый раз, когда я его в отдел вызывал, встреча так и не состоялась. Первый раз я на встречу с родственниками заявителей уехал, в другой раз у самого Худышкина форс-мажор нарисовался. Какой-то из его псов на прогулке сожрал то, что жрать не нужно, и расстройством желудка маялся. Хозяин его сутки специальными растворами отпаивал, пришлось отложить.

– Думаешь, от него будет прок? – спросил Крячко.

– Понятия не имею, – честно признался Гуров. – Скорее цепляюсь за любую соломинку. Выбор места мог быть не случайным, и наш собачник мог видеть убийцу раньше. Может, не в этот день, и даже не на этой неделе, а в принципе. Почему-то ведь преступник выбрал именно Лосиный парк. Мало, что ли, в Москве парков? Так почему именно этот?

– И почему же? – Крячко знал, что сейчас напарнику важно слышать простые, очевидные вопросы, отвечая на которые он может напасть на совершенно неожиданный ответ, который впоследствии поможет ему раскрыть преступление. Подобный парадокс Стас наблюдал не раз и не два, поэтому четко знал свою роль. – Почему преступник выбрал Лосиный Остров?

– Вариантов тут несколько, – не спеша проговорил Гуров. – Убийца живет в этом районе, поэтому и выбрал парк. Чисто из удобства. Везти далеко труп не надо, риск меньше. В этом случае он должен знать парк. Где народ толпами ходит, а где безлюдно. Время тоже важно. Бывает ли народ в той части парка утром или собирается к вечеру? Как часто посещают лес собачники вроде Худышкина? Привлечет ли внимание автомобиль, припаркованный на обочине, или проезжающие мимо автолюбители решат, что грибники в лес приехали?

– И в этом случае его должны вычислить парни, что работают в микрорайоне на поквартирке, – сделал вывод Крячко.

– В идеале так, – согласился Лев. – Но только в идеале. Они могут и пропустить его. Не так уж это просто: взглянуть на человека и понять, что вот он, убийца, перед тобой.

– Ты говорил про несколько вариантов, – напомнил Стас.

– Вариант второй: противоположный. Жилье убийцы расположено так далеко от парка, что искать его в том районе, где он живет, никто и не подумает.

– Например, в Солнцево.

– Или еще дальше. Представь: наши люди уже с пару километров отпахали в районе Лосиного парка, а он сидит себе в Солнцево и в ус не дует. Все отдаленные районы не прочешишь.

– Двигай дальше, – поторопил Крячко. – У меня в девять встреча назначена. Свидетель по моему делу придет. Если смогу под протокол подвести, сегодня же дело закрою.

– Счастливчик! – позавидовал Лев. – Мне, похоже, это вообще не светит. Итак, вариант, аналогичный первому, только на этот раз речь идет о самой жертве. Вполне вероятно, что это она живет в районе Лосиного Острова.

– И снова результата ждать от поквартирников, – подытожил Крячко. – А другие варианты у тебя есть?

– Ну, если не брать мистические и невероятные, то нет, – печально объявил Гуров. – Сам видишь, с чем работать приходится.

– Выходит, самым важным этапом в твоём расследовании является поквартирка, верно?

– Выходит, что так.

– Так почему же ты ее другим перепоручил, а сам сидишь в кабинете и мозоль на одном месте натираешь? При твоём характере логичнее было бы по району, от дома к дому, от магазина к магазину с фоткой в руках бегать, пока на свидетеля не наткнешься.

– Не верится мне, что место как-то с девушкой связано, – честно признался Гуров. – И парней-то гоняю только для того, чтобы полностью совесть очистить, да еще генералу отчитаться: розыскные мероприятия проведены в полном объеме, поиск не дал результатов.

Развить мысль он не успел. Дверь кабинета тихонько приоткрылась, и в образовавшемся проеме возникла голова дежурного.

– Товарищ полковник, тут к вам посетитель. Сказал – ему назначено.

– Кто такой? Я никого не вызывал, – отмахнулся Гуров.

– Он к товарищу Крячко, – пояснил дежурный. – Гражданин Подшивалов. Вызывали?

Крячко наморщил лоб, силясь вспомнить фамилию свидетеля, которому было назначено на утро.

– Подшивалов? Подшивалов... Точно, это мой. Заводи, капитан, я его жду.

Дежурный распахнул дверь кабинета, пропустил внутрь широкоплечего, но низкорослого мужчину и неслышно удалился. Мужчина взглянул сначала на Гурова, затем на Крячко, перевел взгляд на пустые стулья и, не дожидаясь разрешения, занял тот, что стоял перед Гуровым.

– Вы полковник? – с любопытством озираясь по сторонам и не глядя на собеседника, спросил он.

– А вы гражданин Подшивалов? – вопросом на вопрос ответил Гуров. – Если так, вам не ко мне.

– То есть как так, не к вам? Меня же дежурный привел. И в кабинет войти приказал, а теперь вы мне твердите, что я не по адресу попал? Нет, так не пойдет, – возмутился Подшивалов. – И вообще я к вам ради вашей же пользы пришел. С работы, между прочим, отпросился, чтобы следствию помочь, а вы меня по кабинетам гонять собираетесь?

– Никто вас гонять не собирается. Просто я занимаюсь другим делом, – объяснил Гуров. – Вами займется мой коллега, полковник Крячко. Все, что вам для этого нужно, – просто перебраться на другой стул.

– А вы, значит, проститутками занимаетесь? – внезапно спросил Подшивалов. К этому моменту он успел осмотреть весь кабинет и теперь активно изучал все, что находилось на столе Гурова.

– Проститутками? – Лев аж поперхнулся от неожиданности. – Откуда такая светлая мысль?

– Неужели не угадал? Черт, а я удивить вас хотел. Вот, мол, и я кое-что в сыском деле смыслю. Беглого взгляда на стол хватило, чтобы суть вашего расследования понять. – Кажется, Подшивалов искренне расстроился. – Жаль, круто было бы об этом мужикам на смене рассказать.

– О том, что убойный отдел проститутками интересуется? – подначил Крячко. – Действительно, любопытная тема для застолья. Два полковника вместо преступников проститутки ловят. А если фантазия хорошая, то и пару сальных подробностей добавить можно.

– Да вы что, товарищ Крячко! – вспыхнул Подшивалов. – Да я в мыслях подобного не держал! Да у меня у самого двоюродный дядя в полиции пять месяцев отслужил, разве ж я не понимаю, какая у вас работа? Я к вам со всем уважением, честное слово. С уважением и, не побоюсь этого слова, с восхищением всеобъемлющим!

Гуров бросил укоризненный взгляд на Крячко и обратился к перевозбуждавшемуся свидетелю:

– Не стоит принимать слова полковника так близко к сердцу. Ну, пошутили неудачно. С кем не бывает?

– Я и не думал шутить, – продолжал настаивать Подшивалов. – Говорю же, хотел вас удивить. Скажу, думаю, про эту проститутку, они и удивятся.

– Стоп, стоп! – поднял руку Лев, мозг его пронзила внезапная догадка. – Сейчас про проститутку поподробнее.

– А то вы сами не знаете? – Подшивалов переводил недоверчивый взгляд с Гурова на Крячко. – А, я догадался, вы снова шутите. Хотите меня в лужу посадить.

– Отставить пререкания! – потеряв от нетерпения самообладание, более грубо, чем рассчитывал, рявкнул Гуров. – Говорить конкретно и по существу. Что за проститутка, о которой вы нам тут твердите?

– Да эта самая. – От такого окрика Подшивалов мгновенно растерял весь свой апломб. – На столе у вас лежит.

Гуров опустил взгляд, перед ним на столе лежало фото «Девушки в чемодане». Других снимков рядом не было, тем не менее, боясь поверить в удачу, он взял снимок в руки и повторил вопрос:

– Эту девушку вы называли проституткой?

– Так она и есть проститутка, – подтвердил Подшивалов. – Или я что-то напутал? Да нет, не мог я ошибиться. Типаж уж больно характерный, она это, точно она.

– Значит, вы знакомы? – Тут и Крячко заинтересовался. – С этой девушкой вы, Подшивалов, знакомы лично?

– Ну, не так чтобы знаком, – замялся тот. – Приходилось встречаться.

– Кто она? Имя знаете? Где живет, где работает? – градом посыпались на него вопросы.

– Да я, это, всего пару раз с ней был, – вконец растерялся Подшивалов. – Это ведь не преступление?

– Продолжайте, – приказал Гуров. – Расскажите все, что знаете об этой девушке.

– Я ее через сайт заказывал, – поняв, что от неудобных вопросов ему все равно не отвертеться, начал выкладывать Подшивалов. – Фирма такая есть, название совсем простое, но емкое и внимания ненужного не привлекает, я имею в виду всякие надзорные органы.

– Мы поняли, Подшивалов, продолжай, – поторопил Крячко.

– Сайт называется «Все услуги», и предлагают там девочек на любой вкус. Хочешь брюнеток, хочешь, блондинок. Одна вот рыженькая есть. Любых, но без излишеств, если вы понимаете, о чем я.

– Отдых для классиков, – проговорил Лев, чтобы снять недопонимание.

– Точно, для классиков, – обрадовался Подшивалов. – Сам сайт вроде как услуги по уборке предлагает, только составлено объявление так, что сразу понятно, о какой уборке речь идет.

– Ближе к сути, Подшивалов, о тонкостях интимного бизнеса посредством Интернета нам известно не меньше вашего, – снова поторопил Крячко.

– Так я и говорю, зашел как-то на этот сайт, гляжу, девица новая. А я на рыженьких падок, вот возможность-то и не упустил.

– Как давно это было?

– Может, год назад, может, больше, – подумав, ответил Подшивалов.

– Точно? И больше вы ее не вызывали?

– Ну, было-то раза три, но последний очень давно. Не понравилась она мне, – разоткровенничался Подшивалов. – Сперва девка как девка, и чистенькая, и сообразительная. А после третьего раза она наглеть начала. Цену свою устанавливать, подарочки выпрашивать. А я ей что, миллионер, что ли? Поставили фиксированную цену, так держите!

– С этим разобрались. – Гурову пришлось в очередной раз остановить Подшивалова. – Где вы встречались, на ее территории или на вашей?

– Первый раз фирма квартиру предоставляла. Я с первого раза никогда к себе домой не тащу, мало ли.

– И где находилась эта квартира?

– В районе Ясенево, – потратив минут пять на поиски в закоулках памяти нужной информации, ответил Подшивалов. – Там отель есть, название звучное: то ли «Парк Отель», то ли «Принц Отель».

– И в этом отеле вас принимала рыжеволосая проститутка?

– Регина? Нет, мне на отель денег бы точно не хватило. Там цены кусаются, – замахал руками Подшивалов. – Мы с ней в паре кварталов от отеля зависали. Дом этажа в четыре, и подъезд такой приметный, с витыми чугунными перилами и каменной лестницей. Меня тогда парни на лестнице ждали, потом на третий этаж к Регине проводили. Все цивильно, без эксцессов.

– Девушку зовут Регина?

– Да. Когда первый раз встретились, я спросил. Она сперва, как водится, с дурацкими ужимками: а как ты хочешь, чтобы меня звали, и все такое. Я ей сразу сказал: хрень бросай, называй имя, ну она и сказала.

– Как считаете, выдумала?

– Мне показалось, что ее на самом деле Регина зовут, – подумав, ответил Подшивалов. – Слишком натурально прозвучало. Да и после она на это имя без задержки отзывалась. Вы ведь знаете, как бывает: назовет человек не свое имя, его потом зовешь-зовешь, а он не слышит, потому что имя вовсе не его.

– Говорите, Регина? Может, и фамилию девушка называла или еще какие-то детали про свою жизнь рассказывала? Про то, где родилась, например? – не особо надеясь на положительный результат, спросил Лев.

– Нет, товарищ полковник, про это мы не говорили. Нас совсем другая тема интересовала, – слегка смутился Подшивалов. – А что она натворила? Ограбила кого-то или отравила?

– Убили ее, – честно ответил Гуров. – Убили, а труп в чемодан засунули и в лес вывезли.

– Да ладно! Вот ведь не повезло девке, – покачал головой Подшивалов. – Видно, снова за свои штучки принялась, решила какого-нибудь клиента на «бабки» развести, а он не таким покладистым, как я, оказался. Дура баба! Жила бы себе на трудовую копеечку, с ее-то внешностью! Так нет, ей круче «бабок» захотелось. Доигралась, значит.

– Благодарю за помощь, гражданин Подшивалов. – Гуров решил, что пора сворачивать беседу. – Вы нам очень помогли. Заведение в Ясенево мы обязательно проверим, а вы пока из города надолго не уезжайте. Возможно, придется провести опознание.

– Опознание? Да вы что! Я в морг не пойду, меня от мертвяков колбасит! Даже не просите! – в ужасе выкатил глаза Подшивалов. – На фото – пожалуйста, а в морг я ни ногой!

– Ладно, разберемся, может, еще не понадобится опознание, – махнул рукой Лев. – Но из города все равно не уезжайте.

– Куда я уеду? Товарищ Крячко меня главным свидетелем в своем расследовании определил. Я, кстати, показания давать пришел. Или уже не нужно?

– То есть как это не нужно? – поспешил возразить Крячко. – Вот сейчас полковника по делам отправим и приступим к главной беседе. Вы ведь не торопитесь, верно?

Подшивалов заверил Крячко, что освободил день до самого вечера, чтобы без помех выполнить свой гражданский долг. Гуров не стал мешать другу. Выписал название сайта, улицу, где располагался дом Регины, и отправился к аналитикам. Те связались с районным отделом Ясенево и выяснили, кто промышляет под вывеской клининг-компании «Все услуги» и как выйти на их босса.

По данным оперативников районного отдела, владельцем борделя в Ясенево являлся небезызвестный в определенных кругах бизнесмен Виталий Жекало, по кличке Жек. Свою

«карьеру» он начинал с уличного бизнеса в роли сутенера, причем в роли девочки по вызову выступала его собственная жена. Потом Жеку как-то удалось подняться, его бизнес расширился до трех борделей, где он содержал от пяти до десяти девиц, готовых на все. Сейчас, по данным того же районного отдела, Жек контролировал около десяти подобных заведений, причем уровень заведений поднялся до элитного и особых хлопот не доставлял. На территории Жека не было ни конфликтов, ни поножовщины с пьяными дебошами, что нередко случалось в подобных заведениях более низкого пошиба. Сам же Жек перешел в разряд добропорядочных бизнесменов, занявшись строительством, и официально никакого отношения к борделям не имел.

Посоветовавшись с операми с ясеновской «земли», Гуров решил ехать напрямик на Новоясеновский проспект и пообщаться с так называемым «администратором», управляющим борделя, а если уж управляющий окажется парнем несговорчивым, выходить на Жека.

В Ясенево он приехал через час, когда стрелки часов едва-едва дошли до половины одиннадцатого утра. Дом, о котором говорил Подшивалов, нашел легко. Четырехэтажное строение стояло чуть в стороне от дороги, в окружении коммерческих организаций, начиная с банков и заканчивая заведениями общепита. В доме оказалось целых четыре входа, каждый из которых был снабжен системой видеонаблюдения. Сверившись с данными оперативников, Гуров выбрал вход с северной стороны, нажал кнопку вызова и стал ждать ответа. Спустя две минуты его впустили, не задав ни единого вопроса. Если Лев и удивился такому радушному приему, то виду не подал. Он вошел в открывшуюся дверь и оказался в небольшом, два на два метра, тамбуре. Дверей в тамбуре не было, только лестница, ведущая на второй этаж. Ему ничего не оставалось, как подняться по ней к единственной имеющейся двери.

Эта дверь тоже оказалась открытой, а за ней – тот самый пропускной пункт с фейсконтролем, который Гуров ожидал увидеть еще при входе. Размером комната была чуть больше, чем тамбур на первом этаже, примерно четыре на четыре метра. С двух сторон от входной двери располагались крошечные диванчики, на две персоны каждый. В центре, отгораживая часть комнаты, стоял узкий длинный стол. За столом сидел мужчина вполне обыденной внешности. С такой внешностью он мог оказаться и сотрудником конструкторского бюро, и работягой с шарикоподшипникового завода. Средний рост, средний вес, проплешины на темных волосах, постриженных в классическом стиле. Белоснежная рубашка и галстук на шее несколько облагораживали вид, но до крутого бизнесмена или махрового интеллигента мужчина все равно недотягивал.

– Доброе утро, – поднявшись с крутящегося стула, вежливо поздоровался он. – Чем могу быть полезен?

– Зависит от того, что вы можете предложить. – Гуров решил не спешить с порога размахивать корочками.

– Наша фирма предлагает широкий спектр услуг, – так же уклончиво ответил мужчина. – Что конкретно вас интересует?

– В первую очередь меня интересует список ваших сотрудниц, – заявил Лев. – Надеюсь, с этим проблем не будет?

– Разумеется, нет. Вот, пожалуйста. – Мужчина уверенным жестом снял папку с полки позади себя и протянул ее Гурову. – Полный список сотрудниц с необходимыми комментариями.

Гуров взял протянутую папку, раскрыл на первой странице. На ней было представлено фото молодой девушки, не в неглиже, конечно, но все же в достаточно откровенной одежде. Девушка с фото призывно улыбалась. Под снимком стояли имя, возраст и скромный перечень услуг. Вернее, одна фраза: весь спектр услуг. Администратор следил за Гуровым зорким взглядом, пытаясь уловить его настрой. Гуров перевернул лист. Информация на второй странице

оказалась практически идентичной первой. Фото, имя, возраст и все та же фраза о полном спектре услуг.

На шестой странице Лев задержался. Девушка, представленная на фото, оказалась рыже-волосой, и это была та девушка, которую нашли в Лосином парке. Только выглядела она несколько старше. Он вглядывался в фото и не мог понять, отчего у него создалось такое впечатление. Сходство было явным, тут никаких сомнений не было, но вот возраст... В этом вопросе у полковника стопроцентной уверенности не было.

– Подобрали сотрудницу? – увидев, что клиент слишком долго рассматривает одну страницу, задал вопрос администратор.

– Думаю, да, – неуверенно произнес Гуров.

– Вы позволите взглянуть? – протянул руку к папке администратор.

– Вот эта девушка. – Папку Лев не отдал, лишь развернул ее так, чтобы фото стало видно администратору.

– Регина? Простите, но эта девушка у нас больше не работает, – смутился тот. – Вы можете выбрать любую другую.

– Что значит не работает? Почему же тогда фото в папке?

– Вероятно, забыли убрать. Такое иногда случается, – принялся оправдываться администратор. – Девушки меняются, находят себе другую работу, а фото остается.

– Но мне нужна именно она, – настаивал Гуров, все еще играя роль клиента.

– Поверьте, это не в моих силах, Регина на нас больше не работает, – повторил администратор. – Уверю вас, остальные девушки ничуть не хуже справляются со своими обязанностями. Выберите любую – не пожалеете.

– А если двух? Разве вдвоем работать не проще?

– Можно и двух, – обрадовался администратор. – Только стоять это будет в два раза дороже. Но, думаю, вы это понимаете.

– Понимаю, – проговорил Гуров и достал из кармана удостоверение. – Как, говорите, вас зовут?

– Что это? – растерялся администратор.

– Это? Это удостоверение. Полковник Гуров, Главное управление, убойный отдел. Так как я могу к вам обращаться?

– Лев. Лев Магер, – представился администратор, продолжая растерянно таращиться на удостоверение.

– Надо же, Лев. Тезки, значит, – усмехнулся Гуров. – Я вот тоже Лев, Лев Иванович. Полагаю, вы предпочитаете обращение без отчества? Да что вы так растерялись, уважаемый? Присядьте, успокойтесь, разговор нам предстоит серьезный. Надеюсь, недолгий, но это уже зависит целиком от вас. Вы готовы поговорить, Лев Магер? Выходите из-за своего ограждения, посидим на диванчике, пообщаемся.

Магер послушно обогнул стол, присел на указанный Гуровым диванчик и быстро-быстро заговорил:

– Послушайте, если вас интересует Регина, то она действительно у нас больше не работает. Чем занимается эта девушка теперь, я без понятия. У нас серьезное заведение, и за выходы Регины мы ответственности не несем. Мы предоставляем услуги по уборке частного жилья, административных и хозяйственных зданий. Услуга востребованная и хорошо оплачиваемая. Если Регине показалось, что ее зарплата не соответствует квалификации, мы тут ни при чем.

– Успокойтесь, – строго произнес Гуров. – Каков ваш бизнес, мне известно не хуже вашего, и к уборке помещений он не имеет ровным счетом никакого отношения.

– Что она вам наговорила? – Магер занервничал сильнее. – Впрочем, это неважно. Что бы она ни сказала, в ее словах нет ни слова правды. Возможно, Регина на нас обижена, вот и льет грязь на солидную фирму.

– Так дело не пойдет, – покачал головой Лев. – Времени у меня в обрез, уважаемый господин Магер, так что советую не тянуть резину. Хотите, чтобы я пригнал сюда бригаду ОМОНа и провел облаву на третьем этаже?

Произнеся угрозу, он бросил красноречивый взгляд на дверь в противоположной стене, не сомневаясь, что эта дверь ведет в апартаменты девочек. Магер перехватил взгляд и тут же отвел глаза в сторону. Развивать тему третьего этажа ему явно не хотелось.

– Я не совсем понимаю, чего вы хотите? – после минутной паузы задал он вопрос.

– Вот это уже правильный вопрос, – похвалил Гуров. – Пожалуй, для начала определимся с главным: ваш бизнес меня не интересует. У меня работа совсем другого рода, так что постарайтесь не заикливаться на своих опасениях. И еще одно: речь идет об убийстве, так что, если это не вы убили Регину, то для вас лучше быть абсолютно откровенным и правдивым. Суть цели моего визита вам ясна, господин Магер?

– Убили? Регину убили? – Из всего сказанного Гуровым Магер услышал лишь одну фразу. – Кто-то убил Регину?

– Если вы повторите этот вопрос в четвертый раз, я рассержусь, – раздраженно проговорил Лев. – Я уже понял, что вы эту новость слышите впервые, так что кончайте ломать комедию и начинайте уже вести себя разумно.

– Да, я готов, – сделав три глубоких вдоха, заявил Магер. – Что конкретно вас интересует?

– Все, что вы знаете о Регине. С деталями и подробностями. Когда девушка появилась у вас, где жила до этого, с кем дружила, кого ненавидела? С первого дня ее появления и до того момента, когда вы видели ее в последний раз. Последовательность неважна, можете рассказывать так, как вам удобно.

– Вы позволите, я капну себе коньяку? – внезапно спросил Магер. – Могу и вам предложить, но вы ведь наверняка откажетесь?

– Себе наливайте, – разрешил Лев, – а я, как вы верно заметили, воздержусь.

Магер бегом вернулся за стойку, пошарил рукой под столом, вытащил бутылку довольно дорогого коньяка и низкий стакан. Плеснув щедрую порцию, залпом осушил стакан и повторил процедуру. После этого убрал бутылку на место, сам вернулся на диван и принялся выкладывать все, что знал о Регине.

Глава 5

С приятными вестями и кучей информации Гуров уже к полудню вернулся в Управление. Там его ожидала еще одна приятная новость: получив свидетельские показания Подшивалова, Крячко закрыл дело, передав его следователю, и тут же получил разрешение генерала включиться в расследование полковника Гурова. Как раз перед приходом напарника, Стас соби-рался ему звонить, чтобы сообщить хорошую новость. Теперь Гуров и Крячко могли сколько угодно обсуждать обстоятельства дела «Девушки в чемодане», не опасаясь гнева начальства.

Первым делом Гуров рассказал Крячко все, что удалось узнать об убитой. Он предъ-явил Магеру снимок, на котором была изображена девушка из чемодана, и тот уверенно оп-знал в ней бывшую работницу. Подшивалов не ошибся, имя Регина было настоящим именем девушки. Регина Янкина, двадцати девяти лет от роду, отработала на Новоясеневском про-спекте четыре с половиной года. Откуда приехала в Москву, Магер не знал. Девушка не особо распространялась о своей прошлой жизни и о малой родине ни разу не вспоминала. Лишь однажды Магер слышал, как Регина объясняла своим товаркам, почему не желает говорить о прошлом: о той дыре, откуда она чудом выбралась, не то что говорить, вспоминать не стоит. Говорила это Регина с такой злостью и даже ненавистью, что девушкам пришлось прекратить расспросы.

На Новоясеневский Регину привел случай. Как-то она попыталась «снять» в ночном клубе Жека, и тот, не будь дураком, сразу предложил ей работу. Оттого, что девушку привел сам главный босс, как за глаза называли Жека девицы, откровенничать с ней опасались. Да и тот факт, что Регину клиенты выбирали чаще других, развитию дружбы не способствовал. Одним словом, Регина все четыре года считалась одиночкой и существовала как бы изолиро-ванно от группы девиц.

От Магера девушка ушла чуть больше двух недель назад. Просто собрала вещи и заявила, что уходит. Он пытался надавить на девушку, но оказалось, что у той в рукаве спрятан туз: она кое-что знала о делах Магера, которые он проворачивал за спиной босса. Девушка пригрозила рассказать все Жеке, и ему ничего не оставалось, как отпустить ее. Впрочем, возраст девушки приближался к тридцатнику, и Магер рассудил, что все равно она скоро упадет в цене и станет приносить заведению больше расходов, чем доходов. Жеке же отсутствие девушки он объяснил тем, что освободил место для более молодой девицы, которая со дня на день будет доставлена с Украины. Жека такое объяснение удовлетворило, и Магер решил, что инцидент благополучно исчерпан, но тут явился Гуров.

По настоянию полковника Магер переговорил с девицами, но те в один голос утверждали, что понятия не имеют, куда могла податься Регина. Тогда Гуров сделал предположение, что убить девушку мог кто-то из клиентов Магера. Тот долго думал, добросовестно морща лоб и бормоча что-то себе под нос, после чего выдал два имени. У Регины клиентов всегда было много, но эти двое заказывали девушку чаще других.

Первый, бизнесмен Владислав Карась, мужчина за пятьдесят, появлялся на Новоясенев-ском пару раз в месяц. В фирме его знали как любителя брать девочек под свое крыло. Правда, делал он это нечасто и всегда согласовывал свое предложение с администраторами подобных заведений. Отступные фирме, кстати, платил довольно щедрые, так что никто не оставался внакладе. Делал он подобное предложение и Регине, но та по какой-то причине отказалась. До Магера эта новость дошла в виде слухов, а сам Владислав Карась с предложением отступных к Магеру так и не пришел.

Проживал Карась в престижном районе Москвы в двухуровневой квартире. Точного адреса у Магера, разумеется, не оказалось, но поиски бизнесмена не должны были стать про-блемой для полиции. Занимался Карась вполне законным бизнесом. По словам Магера, он

владел не одним десятком заведений сферы обслуживания, таких как химчистки, автомойки, всевозможные ремонтные мастерские и еще целой кучей полезных предприятий, перечислить которые Магер не взялся.

Вторым клиентом был чудаковатый мужик, имени которого в заведении не знали. Он являлся на Новоясеневский каждую неделю, все время в один и тот же день недели. Магер прозвал его «Четверговым любовником Регины», девочки же звали Дюймовочкой – из-за своеобразных пристрастий в сексе. «Четверговым любовник» в течение четырех лет выбирал только Регину, а после того как она ушла, больше к ним не обращался. Откуда у Дюймовочки деньги на дорогих проститутках, Магеру было неизвестно. Деньгами он не сорил, расплачивался всегда только наличными и точно по прейскуранту. За все это время ни Регина, ни администратор чаевых от Дюймовочки не видели.

Где живет чудаковатый мужик, Магер понятия не имел, но дал Гурову наводку, как можно выйти на него. Эта информация появилась у Магера случайно: когда Дюймовочка не появился в заведении второй четверг подряд, администратору стало любопытно, где теперь тот удовлетворяет свои мужские потребности. Не может же так случиться, что у того резко отпала в этом нужда? Вот он и решил поинтересоваться у коллег по бизнесу, не появлялся ли тот у них. Администраторы пары заведений поделились конфиденциальной информацией. Был, мол, такой мужик, искал рыжеволосую проститутку, чтобы не из малолеток. В одном даже заказал девушку с рыжими волосами, но та оказалась не натуральной рыжухой, и мужик вернул ее буквально через десять минут, после чего закатил скандал и даже потребовал вернуть деньги.

Денег ему не вернули, но привезли рыжую от природы девушку из другого заведения. Заменой клиент остался доволен, хотя чаевых все равно не заплатил. Магер полагал, что туда-то и станет ходить по четвергам Дюймовочка. Заведение, в котором угодили Дюймовочке, находилось у МКАДа и не входило в круг элитного обслуживания, зато цены там были куда ниже, что, по словам администратора, тоже порадовало клиента. Магер дал точный адрес борделя, предварительно взяв с Гурова слово, что ни у хозяина борделя, ни у девочек из-за этого неприятностей не будет.

Разговор с Магером происходил во вторник, следовательно, до очередного визита «Четвергового любовника» ждать предстояло двое суток. Поэтому решено было первым в разработку взять бизнесмена. Простой запрос в Интернете выдал всю необходимую операм информацию. Головной офис Караса находился не где-нибудь, а на Арбате, в Калошином переулке. Некогда в этом здании располагался доходный дом вышеназванного Калошина, но после реконструкции здание получило новую жизнь. Теперь здесь арендовали помещения под офисы особо состоятельные бизнесмены.

Офис Владислава Караса занимал сто восемьдесят квадратов мансардного этажа. Предъявив удостоверение бдительному охраннику, Гуров и Крячко поднялись на последний этаж. Там их встретила миловидная девица лет двадцати пяти. Владелец квадратных метров Калошинского переулка уже был в курсе их прихода, охранник постарался, доложив о визите «господ полицейских». Девица провела их узким коридором до арочного проема и тут же испарилась. Ее место занял весьма своеобразного вида мужчина. Он был невысокого роста, с абсолютно лысой головой, крючковатым носом, больше похожим на птичий клюв, и ярко-бордовым родимым пятном на пол-лица. Одет он был в дорогой костюм, белоснежную рубашку и цветной галстук, дань моде.

– Полагаю, вы ко мне? – стоя в центре арочного прохода, ведущего в огромный холл, осведомился мужчина.

– Владислав Карась? Полковник Гуров, уголовный розыск. Это – полковник Крячко.

– Уголовный? Вот так новость, – удивленно проговорил Карась, руки он не протянул, впрочем, ни Гуров, ни Крячко этого и не ждали. – И в чем же я провинился, что целых два полковника по мою душу лично явиться соизволили?

– Предпочитаете вести диалог здесь или проводите нас в более удобное место? – осведомился Гуров.

– Заходите, раз пришли, – отступил в сторону Карась. – Третья дверь налево.

Лев огляделся: по обе стороны холла располагались двери, по три с каждой стороны. Все они оказались закрыты. Он прошел к указанной двери, открыл ее и вошел внутрь. Крячко следовал за ним, хозяин же предпочел оказаться позади полковников. Кабинет Карася выглядел по-деловому. Никаких сувенирчиков, украшений и личных вещей. Два добротных дивана черной кожи, массивный стол с лакированной столешницей, закрытый стеллаж вдоль дальней стены и с десяток стульев вокруг стола. Из украшений присутствовала лишь картина на стене, выполненная в авангардном стиле.

– Устраивайтесь, где удобно, – предложил хозяин. Прикрыв за собой дверь, он остановился в дверях, ожидая, пока гости усядутся.

Гуров проигнорировал диваны, предпочитая вести деловую беседу в деловой обстановке. Выдвинув стул, расположенный ближе всех к креслу хозяина, он сел, жестом предложив Карасю занять центральное место.

– Значит, это не светский визит, – сделал вывод Карась и занял свое кресло. – А вы, товарищ Крячко, собираетесь беседовать стоя? – вопросительно посмотрел он на Крячко, который остановился у порога, небрежно облокотившись о стену.

– Много сидеть вредно, – невозмутимо ответил Стас.

– В этом вы правы, – не стал спорить Карась. – Сейчас многие недооценивают физическую нагрузку, предпочитая все свободное время проводить в удобном кресле у телевизора. Вижу, вы не из их числа.

Стас не ответил, лишь криво усмехнулся. Гуров терпеливо ждал, когда хозяин кабинета оставит пустой разговор и задаст главный вопрос. А тот с вопросами не спешил. Он выдвинул верхний ящик стола, достал оттуда портсигар, придвинул поближе идеально чистую пепельницу. Вынув из портсигара тонкую сигару, поводит ею возле носа, шумно втягивая воздух, затем убрал обратно. Процедура с портсигаром повторилась в обратном порядке. Только после того, как пепельница вернулась на место, Карась заговорил.

– Полагаю, начать должны вы? – обратился он к Гурову. – Итак, я вас слушаю.

– Хороший офис, – начал издали Лев. – И место престижное, и метраж неплохой.

– И арендная плата соответствующая, – с улыбкой подхватил Карась. – Шесть тысяч евро с хвостиком.

– В месяц? – бросил от двери Крячко.

– Да уж не в год. – Улыбка Карася стала еще шире. – Господа, если вас интересует мое финансовое состояние, так и спросите. Я не делаю из этого тайны.

– И каково же ваше финансовое состояние? – не удержался от вопроса Крячко.

– Хватит, чтобы выкупить весь этот домишко со всеми фирмами и их сотрудниками, – рассмеялся Карась. – Экспериментировать будем?

– Ваше финансовое положение интересует нас меньше всего, – остановил его Гуров. – Скорее нас интересуют некоторые аспекты вашей личной жизни. Из этого вы тоже тайны не делаете?

– Речь идет о женщинах? – мгновенно догадался Карась. – Что ж, отвечу откровенно: постоянной женщины не имею, предпочитаю иметь дело с профессионалками. С проститутками, если подобная формулировка вам больше по душе.

– И вам не кажется это странным?

– Нисколько. Современные женщины – все в своем роде проститутки.

– Поясните, – попросил Гуров.

– Дело в том, что каждая женщина в современном мире продается. Одна за штамп в паспорте, другая за прописку и жилье, третья за шмотки и цацки. Разница лишь в том, что

проститутки делают это честно. Они, по крайней мере, не клянутся вам в любви и верности, на самом деле имея намерение лишь пожить за ваш счет. При моих деньгах – это обычное дело, а если вы успели заметить, внешностью до Аполлона я недотягиваю. Скорее я Гефест, бог-ремесленник, низкорослый мужик с волосатыми руками. Правда, ту часть, что гласит о верном и любящем супруге, придется исключить. Это не про меня.

– Значит, вы предпочитаете честных женщин, продающих свои услуги за определенную таксу, – подытожил Гуров.

– Совершенно верно, – подтвердил Карась. – И я все еще не улавливаю сути нашего разговора. Неужели я пропустил изменения в законодательстве, и для мужчин, пользующихся услугами проституток, теперь ввели уголовное наказание?

– Нет, подобного закона наши крючкотворы еще не выдумали, – невольно улыбнулся Лев.

– Тогда чем вызван ваш визит? – Карась не выдержал и задал-таки главный вопрос.

– Регина Янкина вам знакома? – в лоб спросил Гуров.

– Рыжеволосая красавица Регина? – Карась повеселел. – Как же, знаю такую. Хорошая девочка. Амбиции, правда, непомерные, но девочка хорошая. Знаете, я ведь предлагал ей содержание, но она отказалась. Предпочла остаться на своем месте и обслуживать кучу мужиков. Признаться честно: меня ее решение расстроило. Задело мужское самолюбие, что ли? Впрочем, я никогда не принуждал женщин к общению, если вы понимаете, о чем идет речь.

– Когда вы в последний раз виделись с Региной? – задал новый вопрос Гуров.

– Месяца два назад, – подумав, ответил Карась. – Полагаю, раз речь зашла о Регине, значит, с ней случилась беда?

– Возможно, – уклонился от прямого ответа Лев. – Где вы виделись с Региной?

– В заведении. К себе домой я девочек не вожу, слишком муторно, а так – приехал, получил свое и отвалил. Удобно.

– И после этого Регина к вам не обращалась? Не пыталась с вами связаться?

– Нет, не пыталась. Телефонных звонков не было, если вы об этом. И сюда она тоже не приходила, а домой ко мне попасть не так-то просто. Четыре уровня защиты, включая строгого охранника. Я живу в районе с круглосуточной охраной.

– Сами вы тоже не искали встреч с Региной?

– Зачем мне это? Девочка ясно дала понять, что в моей опеке не нуждается, так о чем речь вести? – Карась будто бы удивился.

– Регина когда-нибудь рассказывала вам о себе? Что-то по-настоящему личное?

– Нет, разговоры Регина не приветствует. Даже на нейтральные темы. Может, наконец скажете, в чем дело?

– Регина мертва. Убита, – выдал Гуров, следя за реакцией Карася.

– Убита?! Как это случилось?

– Ей свернули шею, – от двери снова подал голос Крячко. – Как цыпленку, хрясь – и готово.

– В заведении? – Лицо Карася побледнело, но он держал себя в руках.

– Этого мы не знаем, – честно ответил Лев. – Тело нашли в парке на Лосином Острове.

– Думаете, она там промышляла?

– С чего вы это взяли?

– Я знаю, что Регина ушла из заведения, – признался Карась. – Девочки растрепали.

– Случайно не сказали, что заставило Регину оставить заведение?

– Нет, об этом они не знают. Их это тоже удивило. Значит, новая жизнь на пользу Регине не пошла. Жаль, я надеялся, что у нее все сложилось удачно. Хорошая девочка, – покачал головой Карась.

– Вы уверены, что не встречались с Региной после ее ухода из заведения?

– Меня хотите обвинить? – догадался Карась. – Тогда давайте хоть по алиби пройдемся. Когда ее убили?

Гуров назвал дату, но время называть не стал. Карась придвинул календарь-ежедневник, полистал страницы и удовлетворенно улыбнулся:

– Господа, ваши подозрения беспочвенны. За два дня до смерти Регины я летал в Екатеринбург, оттуда в Питер и только потом вернулся в Москву.

– И для того, чтобы вспомнить о таком сложном маршруте, вам понадобилось заглянуть в записную книжку? – едко заметил Крячко. – А ведь прошло всего несколько дней.

– Просто хотел убедиться, что дата совпадает, – пожал плечами Карась. – Проверять алиби будете?

– После, – пообещал Гуров. – Сейчас нас интересует все, что вы сможете вспомнить про Регину. Родственники у нее были? Друзья вне заведения?

– Не по адресу обратились, – прервал его Карась. – О Регине мне ничего не известно. Жаль, что не смог вам помочь.

– Вы ведь серьезный бизнесмен. Неужели, приглашая девушку к себе в содержанки, вы не собрали о ней информацию?

– Зачем? – искренне удивился Карась. – Я ведь не брак ей предлагал. И не в своей квартире поселить собирался. Думаете, я должен был опасаться за свою жизнь? Вдруг Регина в прошлом убийца-рецидивистка и промышляет тем, что отправляет на тот свет своих сожителей? Бросьте, кто же станет кусать руку кормящего? Нет, если бы Регина согласилась на мое предложение, уж с ее стороны неприятности мне точно не грозили. Проверено.

– В каком смысле, проверено? – уточнил Гуров.

– Регина – не единственная женщина, которой я предложил содержание. Таких у меня с десяток наберется. И не нужно морщиться. Я не половой гигант, если вас беспокоит эта сторона моих взаимоотношений с девушками. Просто мне нравится помогать хорошим людям. Хорошим девочкам, если быть точным. Ну зачем им всю жизнь этим заниматься, когда я спокойно могу позволить себе и два десятка женщин обеспечить? Считайте это моим хобби. Понравится девочка, я ей помогаю. А Регина поступила глупо, и моей вины в том нет. Ее выбор, чужой выбор я уважаю. Полагаю, она, как и вы, считала, что, согласившись, станет моей персональной секс-рабыней. Она ошиблась, вот и все. Если вам нужны доказательства моих слов, могу предоставить вам адреса своих девочек. Уверен, ни у одной из них ко мне претензий нет.

– Вы действительно готовы дать нам их адреса? – удивленно протянул Лев, никак не ожидавший подобной откровенности от крутого бизнесмена.

Вместо ответа Карась нажал кнопку на внутреннем телефоне. Когда из динамика зазвучал голос секретарши, он приказал ей явиться в кабинет. Девушка возникла на пороге почти мгновенно.

– Лада, предоставь этим людям список всех моих женщин. С именами, адресами и телефонами, – приказал Карась.

Секретарша послушно кивнула и скрылась за дверью.

– Думаю, на этом аудиенция подошла к концу, – заявил Карась. – Всего хорошего, господа полицейские. И удачи в поисках убийцы. Не забудьте заглянуть к секретарше, она даст вам то, что вы просили.

Гуров и Крячко молча вышли из кабинета. У дверей соседнего помещения их уже ждала секретарша. В руках она держала отпечатанные на принтере страницы. Отдав листы Гурову, секретарша снова скрылась. Гуров и Крячко спустились вниз по лестнице и, сопровождаемые бдительным взором охранника, покинули здание в Калошином переулке.

Они решили объехать содержанок Карася. Первый адрес выбрали наугад, только из-за того, что он оказался ближайшим к Калошину переулку. В списке женщина значилась как Елизавета Бурцева. Квартиру Карась предоставил ей в шикарном районе, без охраны, но с систе-

мой видеодомофона. Нажав нужную клавишу, Гуров услышал мелодичный женский голос и, сообщив свое имя, добавил, что прислал их Владислав Карась. Имя бизнесмена возымело волшебный эффект. Дверь тут же открылась, и тот же мелодичный голос сообщил, что подниматься нужно на третий этаж.

Когда Гуров и Крячко поднялись наверх, они удивленно переглянулись. Женщина была красива, даже очень, но возраст ее давно перевалил за сорок, если не за пятьдесят. Она вприсительно смотрела на полковников, ожидая, пока те объяснят, чем вызван визит.

– Елизавета Бурцева? – сверившись со списком, уточнил Гуров. Он никак не мог поверить, что содержанкой Карася может быть зрелая женщина, а не молоденькая профурсетка.

– Да, это я, – просто ответила она.

– Мы бы хотели задать вам несколько вопросов личного характера, – начал Лев. – Они касаются ваших взаимоотношений с Владиславом Карасем.

– Почему я должна рассказывать вам о своих отношениях с кем бы то ни было? – с вызовом произнесла Елизавета.

– Так сложились обстоятельства, – уклончиво ответил Лев. – Но Владислав Карась дал на это свое разрешение.

Елизавета резко развернулась, взяла с полки телефон и, не объясняя своих действий, набрала номер и поднесла трубку к уху. На ее звонок ответили не сразу. Все это время Гуров и Крячко стояли у порога, строгий взгляд хозяйки не позволил им пройти в квартиру. Наконец Елизавета дождалась ответа.

– Владик? Тут пришли двое полицейских, – скороговоркой проговорила она. – Заставляют меня говорить о наших отношениях.

Что ответил ей Карась, Лев и Стас не слышали, слишком тихим был голос, но после этого Елизавета сбросила вызов и коротко произнесла:

– Проходите.

Полковники вошли в прихожую, из которой хозяйка провела их в гостиную. Как и дом, квартира говорила о зажиточности ее владельцев. Дорогая элитная мебель, густой ворс ковра, в котором ноги утопали чуть ли не по щиколотку, современная техника. Да и сама хозяйка выглядела на все сто, от прически до удобных, но явно дорогих комнатных туфель.

– Что конкретно вы хотите узнать? – первой начала она разговор.

– Как долго вы живете в этой квартире? – спросил Гуров.

– Двадцать пять лет, – без запинки ответила Елизавета. – Предвосхищая ваш следующий вопрос, отвечу: квартира записана на мое имя всего на год меньше. Владислав оформил дарственную.

– Не подумайте, что я пытаюсь вас обидеть, – подбирая слова, продолжил Лев, – но ответ на этот вопрос очень важен. Владислав забрал вас из борделя?

– Да, я была проституткой. – В голосе Елизаветы снова зазвучал вызов. – Можете называть вещи своими именами, меня этим вы не шокируете. Я не горжусь своим прошлым, но и ужаса от воспоминаний о том времени не испытываю.

– Владислав предложил вам стать его содержанкой?

– Не совсем так. Он предложил мне помощь, – ответила Елизавета. – Хотите знать, спал ли он со мной после того, как перевез на эту квартиру? Да, какое-то время спал, но недолго. Не затем он вытащил меня из борделя, чтобы продолжать использовать по тому же назначению.

– А зачем он вытащил вас оттуда? – задал резонный вопрос Крячко.

– Я уже ответила: чтобы помочь. Он дал мне жилье, обеспечил деньгами, всего остального я добилась сама.

– Можете сказать конкретнее? – попросил Гуров. – Чего именно вы добились?

– Я прожила достойную жизнь, – просто, без пафоса, сообщила Елизавета. – Получила образование, устроилась на престижную работу, на которой работаю и сейчас. Теперь мы с

Владиславом просто друзья, ему больше нет нужды обеспечивать меня материально. В этом плане я вполне самодостаточный человек.

– И довольны жизнью, – подытожил Крячко.

– Довольна, – подтвердила Елизавета. – У меня есть все, что можно пожелать.

– А семья? – Вопрос Гурова прозвучал глупо, но забирать его обратно он не собирался.

– У меня есть сын. – Губ Елизаветы коснулась мимолетная улыбка. – Да, у меня есть сын.

Он уже взрослый, живет отдельно. Не в Москве, если вас это интересует. Уехал в Австралию по программе обмена студентами.

– Это сын Владислава? – предположил Лев.

– Вовсе нет. После того как я стала жить самостоятельно, у меня появился мужчина. К сожалению, наши отношения не сложились, но от этого союза появился чудесный мальчик, о чем я нисколько не жалею.

– Значит, к Владиславу у вас претензий нет. – Гуров ничего не мог с собой поделать, но каждый новый вопрос звучал еще более глупо, чем предыдущий.

– А вы считаете, должны быть претензии? – рассмеялась Елизавета. – Подумайте сами: я предъявляю претензии человеку, который вытащил меня с самого дна, обеспечил жильем, дал стартовый капитал и все еще является моим лучшим другом?

– Да, конечно, вы правы, – вынужден был признать Лев. – Простите, что побеспокоили. Вопросов больше нет.

Он развернулся и направился к выходу. Крячко потоптался на месте пару секунд и поспешил догонять друга. Елизавета проводила их до порога, а когда те начали спускаться вниз по лестнице, вдруг спросила:

– Скажите, наш разговор помог Владиславу?

– Помог, – честно ответил Гуров. – Очень помог.

Елизавета улыбнулась довольной улыбкой и захлопнула дверь. Оказавшись на улице, полковники дружно и глубоко вдохнули. Визит оказался совершенно не таким, как они ожидали. Странно было думать о Владиславе Карасе в таком ключе. Меценат, спасающий погибшие женские души, да и только. Гуров посмотрел на список, который все еще сжимал в руке, посчитал и присвистнул. В списке оказалось порядка тридцати пяти имен.

– Сколько? – спросил Крячко.

– Тридцать пять.

– Думаешь, все они, как и Елизавета, ведут нормальный образ жизни? Завели семью, детей, получили образование и хорошо оплачиваемую работу?

– Полагаю, так и есть, – пожал плечами Лев.

– Просто сказка какая-то. Покруче Золушки будет. – По голосу Стаса было ясно, что подобное донкихотство его удивило. – И это в наши дни...

– Времена всегда одинаковы, – заключил Гуров. – Люди разные.

– Да, теперь его в убийцы не запишешь, – почему-то расстроился Крячко.

– Разве это плохо?

– А чего хорошего? Мы снова в тупике, или ты еще этого не понял? Если и с «Четверговым любовником» прокол получится, мы в глубокой заднице.

– Ерунда, прорвемся, – подбодрил друга Гуров. – Поехали еще пару адресов посетим. Для закрепления впечатления.

Три последующих визита ничего нового к картине под названием «Жизнь и подвиги Владислава Караса» не прибавили. Лишь свечение нимба над головой бизнесмена усилилось. Каждая из последующих содержанок рассказывала одну и ту же душещипательную историю, как Владислав Карась вырвал их из развратных лап владельца борделя, чем наставил на путь истинный. Разумеется, после такого рассказа ни о каких претензиях в адрес спасителя не могло быть и речи.

Посоветовавшись, полковники решили, что пришла пора закругляться. Обходить весь список не было никакой необходимости. Записать Владислава Караса в жестокие убийцы теперь не представлялось возможным, чему Гуров был рад, а Крячко вынужден был смириться.

Вернувшись в Управление, они получили приказ немедленно явиться к генералу Орлову на доклад. Не заходя в кабинет, оба прошли на второй этаж. В кабинете генерал оказался не один. Сухой долговязый мужчина в штатском сидел в кресле напротив него и изучал материалы дела «Девушки в чемодане».

– Явились? – не особо вежливо проговорил Орлов. – Ну, чем порадуете?

– На данном этапе расследования подвижек нет, – покосившись на долговязого, отрапортовал Гуров.

– Отличная работа, полковник, – съязвил Орлов. – Сколько дней ты уже этим делом занимаешься? И до сих пор никаких подвижек?

– Нам удалось установить личность убитой, – напомнил Лев. – В отчете это отражено.

– Ах, в отчете? Читал я твой отчет, – проворчал Орлов. – Убитую в проститутки записали, красивая история получается, ничего не скажешь.

– Так если свидетели в один голос заявляют, что данная особа занималась проституцией, куда нам ее записывать? – как всегда остро, отреагировал на критику Крячко. – В картотеке борделя на Новоясеневском проспекте полковник Гуров лично видел фотографию девушки, Регины Янкиной. Также ее опознал администратор борделя, Лев Магер. Он же предоставил имена двух постоянных клиентов Янкиной. Одного из них мы посетили.

– Посетили? А говорите, подвижек нет, – сердито проворчал генерал. – Докладывай, Гуров.

– Магер предоставил имя бизнесмена, Владислава Караса. По словам Магера, он предлагал Регине свою помощь, собирался забрать ее из борделя, но девушка отказалась. Мы предположили, что Владислав Карась мог затаить на девушку обиду и отомстить за отказ, убив ее. Версия не подтвердилась, – сухо доложил Лев.

– Ты уверен, что убийца не Карась? – переспросил Орлов. – Версия-то неплохая.

– Уверен, товарищ генерал, – ответил за напарника Крячко. – Там такая история, почище мыльной оперы. Этот самый Карась вроде как Робин Гуд в современной интерпретации. Денег у него немерено, а тратит он их на освобождение девушек из сексуального рабства.

– Что-то я в толк не возьму, какой такой Робин Гуд? – нахмурился генерал.

– Карась этот и есть Робин Гуд, – довольный произведенным эффектом, повторил Стас. – Выкупает женщин из борделей, снабжает деньгами и жильем, а те в благодарность становятся на правильный путь. И никакого секса, заметьте.

– Так-таки и никакого? – задал вопрос долговязый. Он давно отложил папку в сторону и со снисходительной улыбкой наблюдал за происходящим.

– Простите, а вы, собственно... – начал Крячко, но Гуров не дал ему договорить. Толкнув товарища локтем в бок, заставил его замолчать и заговорил сам:

– Мы встретились с несколькими женщинами, которым в свое время помог Владислав Карась. Все они утверждают, что, после того как покинули бордель, проституцией не занимались. Интимной связи с Карасем у них тоже не было.

– И вы им поверили? – удивился долговязый.

– Гуров, хватит дуться, – внезапно произнес генерал. – Не устраиваю нагоняй, так как в какой-то степени сам виноват. Надо было сразу объяснить, почему разговор идет при постороннем. Исправляю оплошность. Позвольте представить: майор Абраменко Сергей Ильич, начальник отдела по борьбе с преступлениями против нравственности.

– Полиция нравов? И как это я сразу не догадался, – протянул Крячко. – Приехали уже.

– Так точно, приехал. – Абраменко поднялся и протянул руку для рукопожатия: сперва Гурову, затем Крячко. – Земля слухом полнится.

– Про наш запрос узнали? – догадался Гуров. – Ребята с земли «настучали», верно?

– Они самые, – рассмеялся Абраменко. – Как только вы про Новоясеневский проспект запрос сделали, так мне сразу и доложили. Я, разумеется, не смог оставить ваш звонок без внимания и обратился за разъяснениями к товарищу генералу.

– Собираетесь лапу на ясеневских наложить? – поняв, что дальше разговор пойдет в неофициальном ключе, спросил Гуров. – Не хотелось бы людей подставлять, я вроде как слово тезке дал.

– Не думаю, что в ближайшее время для вашего Магера что-то изменится, – успокоил Абраменко. – Думаете, мы о его деятельности ничего не знаем? Просто руки до всех не доходят, да и при имеющемся законодательстве мы мало что можем. Приезжаем в такие заведения, с ОМОНОм и ОБЭПом, с Роспотребнадзором и налоговиками, а толку чуть. Ну, заберем девочек, кто с поличным попался, старшего по борделю заберем, а что им предъявлять? Что кассового аппарата нет или нормы санитарные нарушены? Девочку оштрафуют, хозяина пострадают и отпустят. Как доказать, что в данном заведении оказываются интимные услуги? Со слов девочки. А она в суд с дорогушим адвокатом приходит и заявляет, что заняться сексом с клиентом – ее личная инициатива. А судьи что? В законодательстве четкое определение проституции отсутствует, вот они по совершенно одинаковым документам и принимают разные решения. Хозяева подобных мест свой бизнес защищают не на жизнь, а на смерть.

– Тогда что вы здесь делаете? – вырвалось у Крячко.

– Убедиться хотел, что в подведомственной мне епархии убоя не произошло, – просто ответил Абраменко. – Ну и помощь свою предложить.

– Убой не на вашей совести, – признал Гуров. – Скорее всего, девушку убили уже после того, как она свою профессиональную карьеру на Новоясеневском закончила. К борделю ее смерть не имеет отношения. Разве что убийцей один из клиентов окажется.

– Вот в этом я и хотел предложить помощь, – заметил Абраменко. – Товарищ генерал сказал, что вы кое-кого из завсегдатаев Новоясеневского ищете.

– Неужели знаете, где Дюймовочку искать? – обрадовался Крячко.

– Знаю, – ответил Абраменко. – Ребятам задание дал, они поспрашивали у кого следует и выяснили адрес этого субъекта.

– Так-таки и адрес? – не поверил Гуров.

– Так точно, товарищ полковник, – подтвердил Абраменко. – Мы свой хлеб тоже недаром жуем.

– И как же вам это удалось?

– Своя агентура, – уклонился от прямого ответа Абраменко. – Так интересует вас адрес?

– Само собой.

Абраменко взял со стола лист бумаги и протянул Гурову. Тот прочел вслух:

– Лесная, двадцать три, Оболдино. Это же в районе Лосиногостинского Острова!

– Так точно, – кивнул майор.

– Неужели нашли? – недоверчиво произнес Гуров.

– Утверждать не берусь, но похоже на то, – подтвердил догадку Абраменко. – Проверка за вами, это уже ваша епархия.

– Товарищ генерал, разрешите идти? – пряча лист с адресом в нагрудный карман, обратился Лев к генералу. – Обмозговать нужно. И действовать нужно.

– Не переусердствуй там, Гуров. Стас, проследи и сам не напортачь сгоряча, – напутствовал генерал, отпуская напарников.

– Есть не переусердствовать, товарищ генерал, – козырнул Крячко. – Спасибо за помощь, майор. Может, и мы тебе когда пригодимся.

Гуров уже ничего не слышал, он выскочил из кабинета генерала и помчался вниз по лестнице. Ему не терпелось открыть карту и проверить, как далеко находится дом «Четвергового любовника» от места, где было найдено тело Регины.

Глава 6

Получив возможность переварить новость вдали от посторонних глаз, Гуров глубоко задумался. Первоначальная радость испарилась, как только запустился мыслительный процесс. Крячко все еще возбужденно носился по кабинету из угла в угол и, потрясая кулаками, грозил невидимому преступнику, придумывая для него самые страшные наказания, а Гуров уже начал сомневаться в возможности положительного исхода. Крячко не понимал, почему друг сидит с понурым видом и пялится на карту, а не собирает оперативную группу, не вызывает ОМОН и не мчится сломя голову в Оболдино. Но торопить полковника Гурова было равносильно тому, что поднимать двадцатитонный «КамАЗ» в одиночку, поэтому Крячко продолжал нетерпеливо вышагивать по кабинету в ожидании, когда напарник созреет до решительных действий.

Гуров вовсе не был уверен в том, что действовать стоит немедленно. Дом Дмитрия Христенко, так в действительности звали клиента Регины по прозвищу Дюймовочка, от места, где нашли девушку, отделяло не более десяти километров. Христенко имел личный автомобиль марки «Лада Гранта», и для него не составило бы труда доехать до нужного места, сбросить тело девушки в парковой зоне и вернуться обратно. Соседи, и те могли не заметить столь короткого отсутствия. К тому же Христенко жил не в квартире, а в частном доме. Частный дом подразумевал некое уединение. Задумай он привезти девушку к себе, а потом избавиться от нее таким вот странным способом, никто и не услышал бы.

Вот эта самая простота и настораживала Гурова. Все слишком просто и очевидно, а так в жизни редко бывает. Стоило заморачиваться, избавляя труп от любых предметов, по которым его могли опознать, чтобы так подставляться? В борделе все знали, что Христенко является постоянным клиентом Регины. Он не мог не учитывать этого факта, когда избавлялся от трупа. Так зачем же он бросил его чуть ли не на пороге собственного дома? Глупо. Глупо и нелепо.

А мотив? Каким может быть мотив у бывшего клиента проститутки? Разозлился на то, что Регина ушла с Новоясеневого? Возможно. В конце концов за столько лет он мог привыкнуть к девушке, даже считать ее чуть ли не своей собственностью. Но тогда логичнее было, если бы, заманив девушку к себе, Христенко принял решение держать ее исключительно для своих нужд, пока не надоест. Опять же, частный дом для этих нужд очень даже подходит. Какой частный дом без подвала? Посадил девушку в подвал и наслаждайся, когда приспичит. Но девушка мертва, и тело ее найдено в нескольких километрах от дома постоянного клиента.

Следующий вопрос, вытекающий из предыдущего: каким образом Христенко смог заманить Регину к себе домой? Как он вообще узнал, что она ушла из заведения? А узнал он тогда, когда, явившись в очередной четверг, не застал девушку в борделе. Тогда он ушел и больше не появлялся. Следовательно, об ее исчезновении он заранее не знал. Если бы девушка к тому времени была у него, стал бы он светиться в борделе? Нет, не стал. И в других борделях рыжеволосую заместительницу Регины искать не кинулся бы. Как ни крути, а версия не срывается.

Придя к такому выводу, Гуров тяжело вздохнул и обратился к Крячко:

– Сядь, Стас, не маячь перед глазами, и без того тошно.

– С чего теперь-то тебе тошно? – искренне удивился тот. – Тебе убийцу практически на блюдечке с голубой каемочкой преподнесли, а ты нос воротишь.

– В том-то и дело, что на блюдечке, – снова вздохнул Лев. – А я к таким подаркам привык с опаской относиться.

– Ладно, выкладывай, что тебя беспокоит, – сдался Крячко. – Все равно ведь, пока не выскажешься, с места не сдвинешься.

– Чересчур все идеально. Для нас, разумеется, не для Христенко.

– Ты о чем? – не понял Стас.

– Да о том, что дом Христенко в нескольких километрах от места происшествия, – начал перечислять Гуров. – И о том, что этот самый Христенко больше четырех лет услугами Регины пользовался. О том, как администратор борделя в первые пять минут Христенко сдал. Все это слишком идеально. Все, кроме мотива.

– С мотивом, на мой взгляд, здесь тоже проблем нет. Мужик решил: не мне, так не доставь же ты никому! Как у шекспировского параноика Отелло, – заявил Крячко. – Мужик решил – мужик сделал.

– И как он это сделал? Где Регину подкараулил, если к тому времени она в борделе уже не появлялась? – задал резонный вопрос Лев.

– Может, он ее еще раньше подкараулил. Может, все эти годы он за ней следил, – предположил Крячко. – Узнал, где та живет, а потом выманил из дома и убил.

– Во-первых, Регина жила в самом борделе, другого жилья не имела, – напомнил Гуров. – И во-вторых, не на улице же Христенко ей шею свернул? А в машину к нему она вряд ли села бы.

– Это еще почему? Вполне приемлемая версия, – не согласился Стас. – Христенко Регина знала давно, опасности с его стороны не ждала. Он предложил – она согласилась. Может, он ей задвинул что-то вроде того, как было бы здорово прощальным сексом заняться, за хорошие «бабки», разумеется.

– И снова мимо, – прервал друга Гуров. – Христенко этот – жлоб еще тот, об этом мне Магер сообщил. И Регина о его жлобстве знала, поверила бы она ему, если бы он ей большие деньги пообещал? Только не после нескольких лет крохоборства.

– Ну, может, и не такой сценарий, но отметить версию причастности Христенко к смерти Регины ты не можешь, – не сдавался Крячко. – По крайней мере, до тех пор, пока мы ее не проверим.

– Проверить придется, – вынужден был согласиться Лев. – Только чует мое сердце, что «пустышка» это.

– А вот мое сердце ничего подобного не чует, – заявил Крячко. – В том, что дело простым оказалось, нет ничего удивительного. Снесло крышу у мужика, вот он глупостей и наделал. Может, в порыве страсти шею девке свернул, а когда понял, что натворил, и вовсе рассудок потерял. Засунул ее в чемодан и вывез в парк. Вот и вся история. Убийства на бытовой почве обычно так и происходят.

– На бытовуху не похоже, – машинально возразил Гуров.

– Не придирайся к словам, – огрызнулся Стас. – Ты прекрасно понял, что я имею в виду. Нет в этом деле никакой загадки, сплошная рутина. А то, что не сразу имя жертвы вычислили, так просто повезло мужику, удачный расклад сложился. И хватит об этом думать. Поехали в Оболдино. Чем раньше с твоим Христенко встретимся, тем быстрее пойдем, кто из нас прав.

На это Гурову возразить было нечем. Тем не менее от вызова ОМОНа он наотрез отказался, заявив, что пары оперов будет вполне достаточно. Забрав из отдела двух сотрудников, Гуров и Крячко поехали к Христенко. Подъехав к Оболдино, решили всем скопом в дом не соваться. Если предположение Гурова окажется несостоятельным, ждать от Христенко можно чего угодно. Да и пути отхода в этом случае он мог подготовить. Поэтому решили разыграть классический сценарий: вплотную к дому не подъезжать, двоих оперативников отправить в обход двора, Крячко – во двор, а общаться с Христенко отправится Гуров.

Забор вокруг дома Христенко оказался высоченный, выше двух метров. И глухой. Увидев это, Стас подмигнул другу, намекая на то, что его версия вполне имеет право на жизнь. Гуров усмехнулся, но промолчал. К удивлению Крячко, калитка оказалась незапертой, и злой собаки во дворе они тоже не встретили. Пройдя к крыльцу, Гуров выждал несколько минут, давая Крячко возможность обойти дом в поисках второго выхода. Спустя пять минут Стас выглянул из-за угла и подал знак, что двор чист. Тогда Гуров постучал в дверь и громко крикнул:

– Хозяин, выйди на минутку, разговор есть!

На крик занавеска в соседнем окне шевельнулась, и из открытой форточки показалась всклокоченная голова.

– Какого хрена барабанишь? Не заперто, – выдал хриплый голос.

– Войти можно? – спросил Лев.

– Заходи, раз уж пришел, – прохрипел мужчина, и голова скрылась.

Гуров вошел в полутемный предбанник, открыл вторую дверь и оказался в небольшой кухоньке. На пороге смежной комнаты стоял тот самый мужчина, что минуту назад выглядывал в окно. Высокий мужик с широкими плечами, крепкими руками и довольно симпатичным лицом. Вид у него был заспанный, оттого, видно, и шевелюра растрепалась.

– Чего надо? – неприветливо спросил он.

– Я ищу Дмитрия Христенко, – произнес Лев. – Мне сказали, он здесь проживает.

– Ну, я Христенко, что дальше? – Голос мужчины зазвучал чуть приветливее.

– Поговорить надо.

– Надо, так говори. – Христенко прислонился спиной к стене, давая понять, что приветить гостя не собирается.

– Я по поводу Регины.

– Не интересуется, – выдал Христенко.

Он изо всех сил старался, чтобы голос прозвучал равнодушно, но чуткое ухо Гурова уловило взволнованные нотки. «Неужели все-таки он? – пронеслось у него в голове. – Нет, не может быть. Наверняка волнение связано с его отношением к девушке, а не с его причастностью к ее смерти». Тем не менее первоначальную мысль сразу же выдать информацию о ее смерти Лев отбросил. Вместо этого он потоптался на месте, как бы не решаясь продолжить разговор, и только после того, как Христенко справился с волнением, заявил:

– Что-то не верится. Сдается мне, очень даже интересуется. Быть может, ты не понял, о ком идет речь? Так я напомним: рыжеволосая бестия по имени Регина. Четыре года четверговых встреч, и вдруг – не интересуется?

– Ты кто такой? – рявкнул Христенко. – И какое тебе дело до моей личной жизни?

– Дюймовочка – это в шутку или ты и правда себя таким незначительным ощущаешь? – Гуров решил проверить, легко ли Христенко теряет самообладание.

Однако реакция Христенко оказалась совершенно не такой, какую он ожидал. Вместо того чтобы разозлиться на слова незнакомца, тот смутился и промямлил что-то нечленораздельное.

– Чего мямлишь? – продолжил провоцировать хозяина Лев. – Есть что сказать, так говори четко. Помнишь Регину или успел забыть?

– Слушай, мужик, я тебя не знаю и знать не хочу, – вконец растерялся Христенко. – Ну знаю я Регину, и что с того? Мало ли с кем она была, так ты по всем ее клиентам пойдешь? Ушла она. Свалила от Магера, он сам мне сказал. Хочешь ее найти? Так не по адресу обратился. Я понятия не имею, где она теперь на хлеб зарабатывает. Не знаю я, где ее искать, понимаешь?

– Ты не знаешь, а я знаю, – твердо проговорил Лев. Он снова уверился в том, что Христенко к смерти Регины непричастен, но провоцировать хозяина не перестал. – В парке она. На Лосином.

– Ладно, ты знаешь, где Регина, – миролюбиво произнес Христенко. – Тогда зачем тебе я? Клиентов для нее ищешь? И снова промахнулся. Я на такие авантюры не подписываюсь. Встречи только на территории заведения, по-другому никак. А вообще если уж по чесноку, то нашел я замену твоей Регине. В массажном салоне трудится, и результат ничуть не хуже. Так что отчаливай, мужик. Ищи клиентов в другом месте.

– Не нужны ей больше клиенты, – прекратил игру Гуров. – Убита Регина. В Лосином парке тело ее нашли.

Вот тут Христенко не выдержал. Услышав новость, он побелел, как полотно, глаза его расширились, рот раскрылся, и он начал медленно оседать на пол. Лев подумал было, что страшная новость так подкосила Христенко, что он теряет сознание. Но нет, тот просто сел на пол и уставился в одну точку. Гуров выглянул во двор, окликнул Крячко и, вернувшись к хозяину, озабоченно спросил:

– Вы в порядке?

– Вроде да, – неуверенно произнес тот. – Вот ведь хрень какая. Регину убили.

– Поднимайтесь, Дмитрий, надо поговорить. – Лев протянул руку, предлагая помощь.

– Спасибо, я в порядке. – Христенко поднялся самостоятельно и, желая объяснить свою реакцию, добавил: – Просто неожиданно все это. Сначала она из заведения исчезла, потом вы приходите и заявляете, что ее убили. Такое не сразу переваришь. Мы ведь и правда много лет вместе провели.

– Посидите немного, придите в себя. Как будете готовы, скажете. У нас к вам много вопросов.

В дом вошел Крячко. Взглянув на Христенко, он нахмурился и перевел вопросительный взгляд на Гурова. Тот отрицательно покачал головой, и Стас досадливо поморщился:

– «Пустышка», значит?

Из их разговора Христенко ничего не понял, но почему-то вздохнул с облегчением. Пару минут спустя он готов был отвечать на вопросы. Задавали их Гуров и Крячко попеременно. Вопросы Гурова звучали мягко, Крячко же предпочел выбрать агрессивный тон. Но и ему спустя короткое время стало ясно, что к смерти Регины Христенко никакого отношения не имеет.

Со слов Христенко выходило, что Регина с ним общалась исключительно на профессиональной основе. Как и в случае с Карасем, никаких личных разговоров, никаких эмоциональных всплесков, никакой реакции на те нечастые попытки перейти на более близкий уровень общения, которые предпринимал Христенко. Всегда сухая и деловитая, и никаких исключений.

Где живет Христенко, Регина не знала. По крайней мере, так считал он сам. К себе домой ее не приводил, предпочитая встречаться на территории борделя. Могла ли Регина узнать, где он живет? Христенко в этом сомневался. Он никогда не говорил ей своего адреса. Как может объяснить тот факт, что тело девушки нашли в непосредственной близости от его дома? Да никак. Он вообще не знал о ее смерти, пока полковник не сказал. Где был в ночь убийства? Дома был, свидетелей нет, подтвердить некому. Плохо, но так уж оно и есть. Живет Христенко один, с соседями не знается, так что алиби у него нет.

Насчет машины, правда, повезло. Вот уже две недели, как Христенко отогнал ее в авто-сервис в Реутове. Друг у него там работает, потому и выбрал именно этот автосервис. Что случилось с машиной? Движок стукнул, а перебрать его дело небыстрое. Сам Христенко в автомобилях не шарит, вот и отдал специалисту. Другого транспорта не имеет, у соседей машиной разжиться не может, так как у них не настолько близкие отношения, чтобы машины одалживать.

– Выходит, какое-никакое алиби у вас все же есть, – заявил Гуров и довольно улыбнулся.

– Вам виднее, – неуверенно проговорил Христенко. Ему было непонятно, чему радуется полковник, но это давало ощущение, что беда прошла мимо, и он был благодарен незнакомому полковнику за это чувство.

Крячко же известие о поломке машины явно не обрадовало. Его вообще не радовал тот факт, что Христенко вроде как невиновным оказался. Христенко все ждал, что тот велит ему собираться и отвезет в тюрьму, но этого не произошло.

– Закругляйся, Гуров, – в конце концов, заявил Крячко. – Ловить здесь нечего, так не будем хоть время терять.

Гуров попрощался с Христенко, пожав тому руку, а еще попросил не уезжать из города, а Крячко лишь недовольно буркнул что-то себе под нос и вышел из дома.

Как только оба полковника ушли, Христенко снова опустил на пол и дал волю чувствам. Как ни храбрился, а сдержаться не смог. К Регине он испытывал если и не любовь, то нечто похожее, и известие о ее смерти оказалось слишком тяжелым. Остаток дня он просидел на полу, глуша «горькую» и вспоминая встречи со своей четверговой любовницей.

Полковники же вернулись в отдел. Крячко засел за компьютер и усердно делал вид, что занят бумажной работой. На самом деле он просто тупо барабанил по клавишам, пытаясь справиться с раздражением. Его бесил тот факт, что Гуров даже не попытался надавить на Христенко, поверив ему на слово. Что с того, что парень вину не признает? Все они поначалу отпираются. Алиби-то у него нет, а про машину и наврать мог. Может, он машину только после убийства Регины в Реутов отогнал. Сам же сказал, что друг его там работает. Долго ли попросить друга назвать нужную дату? Пригнал машину неделю назад, а попросил сказать, что прошло две недели. И неизвестно еще, на самом ли деле у него движок стуканул или это очередная «мулька».

Но у Гурова, видите ли, интуиция, которая никак не желает Христенко в убийцы записывать. Да плевать ему, Крячко, на интуицию! Ему факты подавай, голые факты, а их нет. Не велел Гуров факты проверять. Сидит теперь за столом, лоб морщит. Думает. А чего тут думать, когда последнего подозреваемого со счетов списал? Нет у тебя подозреваемых, все вокруг белые и пушистые. А девушка мертва, вот это факт, и, сколько ни думай, сколько лоб ни морщи, его не изменишь.

Гуров и правда сидел в полном молчании и, наморщив лоб, глядел в пустоту. Ситуация с отсутствием подозреваемых нравилась ему не больше, чем Крячко. Раздражение напарника было ему понятно, но он не собирался идти против совести ради того, чтобы успокоить друга. В задержании Христенко Лев не видел никакого смысла. Ну, приволокут они его в СИЗО, попрессуют пару дней. Тот якобы расколется, может, даже вину на себя возьмет, а на следственном эксперименте завалится. Да он и места, где бросил чемодан и девушку, не покажет, не то что рассказать, как и где ее убил. Лажа все это, а на такое Гуров не подписывался.

– Хватит дуться, Стас, – прервал он затянувшееся молчание. – Ты и сам понимаешь, что в задержании смысла не было.

– Нет, Лева, не понимаю, – тут же вскинулся Крячко. – Если Христенко не признал вину в первую минуту, это не значит, что он невиновен.

– Признание обстоятельств не изменит. Не убивал он ее, Стас.

– Ты бы сначала его версию проверил, – не унимался Крячко. – Хоть в Реутов съездил, насчет поломки выяснил. Может, машина на ходу. Или соседей опросил, глядишь, и выяснили бы, где и с кем Христенко в ночь убийства зависал.

– Охота тебе время терять, так езжай. И в Реутов, и в Оболдино к соседям, – тоже начал сердиться Гуров.

– А ты, значит, в кабинете сидеть будешь. В потолок смотреть. Вдруг там имя убийцы проявится? – съязвил Стас. – Или нет, убийца сам к тебе в кабинет придет. Так, мол, и так, гражданин Гуров, явился с повинной. Зачем вам голову ломать, проверять слова подозреваемых. Вот он я, убийца Регины Янкиной, вяжите меня и следователю сдавайте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.